

АЛЕКСЕЙ ЕРЕМИН

Переход

Алексей Еремин

Переход

«Издательские решения»

Еремин А.

Переход / А. Еремин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740185-6

В романе описана студенческая жизнь, какой она была 20 лет назад, когда мобильные телефоны были редкостью, интернет был далеко не у всех, а стабильность была целью, а не явью.

ISBN 978-5-44-740185-6

© Еремин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	25
Глава седьмая	31
Глава восьмая	34
Глава девятая	38
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	45
Глава тринадцатая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Переход

Алексей Еремин

Моей маме

«И этого уже не исправишь, – горько сказал Платонов. – Это уже навсегда. У всех у нас одно и то же. И все мы пускай без вины, а всё-таки, знаете, виноваты перед своими родителями.

И он стал развивать тему вечной сыновьей вины перед матерью. Он говорил уже не о том, что произошло у меня, не о том, что моя мать умерла и что я в своё время не мог ей помочь. А о том, что матери умирают, прощая своих сыновей, а на сыновьях остаётся сыновья вина перед матерями. Это, была, видимо, издавна томившая его мысль о сыновьей вине и сыновьем долге».

Эм. Миндлин «Андрей Платонов»

«Теснота взрослого существования подавляет юношескую душу. Но искусство и большие чувства способны сохранить её».

Из разговоров

© Алексей Еремин, 2022

ISBN 978-5-4474-0185-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Август только начинался, листья ещё не опадали, было сухо и жарко. Пыль на грунтовой дороге лежала толстым мягким слоем, словно серая мука, в которую размололи вязкое дорожное тесто после окончания дождей на прошлой неделе.

Под пиджаком ёрзали потные плечи, пригретые солнцем. Блестящие чёрные ботинки, глубоко утопая в пыли, покрылись серой пудрой. Я представил, как смешно выгляжу с чужой стороны, но снял обувь, носки, сбил складками чёрные брюки, ремнями стянувшие ноги над коленами, опустил узел галстука, повисшего алым распятием, взял в руки по чёрной лодочке, что повесили над землёй острые носы, со сложенными внутри мятыми пиратскими парусами, и пошёл по дороге, ощущая ступнями не горячую, как песок на юге, а тёплую, чуть теплее кожи, пыль. Я брёл, не стесняясь людей, что поворачивали ко мне головы, медленно проезжая в легковой машине, низко осевшей оранжевым кузовом над блестящим задним колесом, в дымящейся пыли. Когда остался один, сел на корточки, спрятал руки в пыль, чувствуя внешней кожей тепло пыли, а подушечками пальцев и ладонями прохладную землю дороги.

Из короткой травы, лежавшей переходом между обочиной и садоводством, мягкой как кудри ребёнка, взрослые стебельки кололи ступню, сохранившуюся детскую кожу в неглубокой ложбинке, между жёсткой пяткой и большими, отвердевшими пальцами ног.

Передо мной дощатый забор жёлтого цвета, отгородивший садоводство от травы. От дороги земля склоном спускалась к зелёной роще в низине; видны дачные наделы. От внешней ограды до асфальтовой дороги клавишами пианино участки. Дорога, видная в просветы между домами из белого и красного кирпича, разделяла садоводство пополам; за ней до деревьев сползали, как лыжи, длинные наделы.

Память собрала в мозаику пейзажа осколки воспоминаний; ручей из рощи наполнял небольшой круглый пруд, и истощённый струился узким мелким потоком, каким в сильный дождь течёт вода вдоль ступени тротуара. За рощей, за прудом огромное поле поднималось к горизонту, как контурной линией, очерченное тёмной полосой леса.

В пустоте между белым и красным кирпичными домами, в похоронных крестах рам, я видел участок у рощи. Землю огородили голубым забором с узким просветом в одну штaketину. Вдоль забора с соседями, скрытого от меня кирпичами красного фасада, блесстел стеклянный парник, изнутри зелёный, с белыми глазами солнца. У дальней ограды вдоль березовой рощи стоял голубой сарай, распахнув дверь как полу пальто в тёмный проём, сбив на затылок кепку крыши. Рядом жёлтый сруб колодца под крышей на четырёх столбах, переломленной пополам, словно по листу жести снизу ударили мечом, словно соединили кончики пальцев рук, а ладони развели, словно карточный домик, или птица, опустившая крылья. Дальше вид загоразживал белый дом.

Я потому лишь заметил картинку, что ворота на участок были распахнуты, на песчаной площадке застыла чёрная легковая машина, с открытой дверью водителя. Перед колодцем, на зелёном газоне стоял ребёнок в синей юбке и полосатой, красно-белой футболке. Слева, из-за дома в картину вбежала, босиком, тяжело и неуклюже, полная женщина, с румяными волосами, одетая в синие брюки и абрикосовую рубашку с длинным рукавом, чьи полы танцевали у пояса. Она обогнула машину, протянула какие-то бумаги внутрь, дверца захлопнулась. За моей спиной зашуршали шины, раздался смех. Я не оглянулся и смотрел, как женщина прижала к лицу ладонь, словно забыла. Чёрный, как катафалк, автомобиль выехал на дорогу, переваливаясь на песчаной площадке, повернул вправо, и понёсся, мелькая между белыми и красными домами.

Я представил, как забавно выгляжу, в пиджаке, в брюках, собранных пышной гармошкой над коленами, с ботиками на крючках пальцев, вспомнил смех за спиной, и пошёл дальше, думая, что кто-то опаздывает, улыбаясь представлению о своём виде.

Часть первая

Глава первая

В отдельной комнате, на широкой кровати, головой к окну спал Гриша Цветов. Накануне он попросил маму разбудить его в семь часов, но сейчас отвернулся от стены, повернулся на спину, и очнулся. Он любил в себе способность проснуться по заказу, в определённый час. Гриша лежал в полудрёме и думал, что если позволить закрыть глаза, то можно ещё поспать, но тогда разбудят насильно, и весь день будешь сонным, если проснуться сейчас, то встанешь бодрым. Но проснуться не было сил. Цветов резко сел на кровати. В голове зашумело, закачалось, словно заплескалось молоко в кастрюле. Гриша подставил упоры рук. Подумалось, если утром рано вставать, накануне не можешь заснуть, не смотреть фильм, не читать книгу. «Не даром бутерброд падает маслом вниз», – произнёс он вслух, сирым спросонья голосом, отбросил с ног одеяло, – стал рассматривать свои худые волосатые ноги, чему-то удивлённо приподнял нижней губой верхнюю, и встал прямо в тапочки. Надевая синие домашние тренировочные и белую футболку, решил, что надо обязательно повторить английский, – «сегодня две пары». Просовывая ступню в носок, он про себя проговаривал: «Socks, футболка vest, нет vest это майка, а футболка будить фьютболька. Teeshirt!». Вложил руки в рукава байковой рубашки, в сине-чёрную клетку, и подумал «shirt». И уже пропел вслух: «Shirt, длинный звук, – shirt. Поставим кончик язычка на альвиолки и снова тянем – shirt. Здравствуй мама! Решил тебя не беспокоить и проснулся сам. Здравствуй, папа, исходя из того, что ты ещё в постели, ванную комнату займу я».

В ванной комнате он с полным ртом мятной пасты морщил лоб, раскрывал красные в белой пене губы и громко мычал «to brush the teeth». Цветов посмотрел в отражение (в овальном зеркале, в туманном нимбе лицо, узкое к подбородку, длинный прямой нос, с видными профилями хрящиков, волнистые светло-русые волосы до плеч, разделённые посередине головы белым пробором), сделал серьёзными серо-зелёные глаза и погрозил своему отражению зажатой в кулаке щёткой: «В слове teeth звук долгий, потому старайся, – teeth», – пена вывалилась из рта в розовую раковину, мятный сугроб смыл поток прозрачной воды.

Он вошёл в кухню, закладывая за уши загнутые металлические дужки круглых очков, снял крышку с круглой сковороды, где шипел и пузырился его завтрак. Гриша переложил белое, с выпученным глазом и узором потёкшего желтка солнце яичницы в тарелку, и стал искать глазами по столу банку с растворимым кофе. Он улыбнулся её стальному дну, с видимым удовольствием раскрыл дверцу шкафа светлого дерева и достал новую. Вошли шаги мамы, он спросил, не оглядываясь, приготовить ли ей, но она отказалась.

– А где отец?

– Пошёл за газетами, ему что-то нужно в «Известиях».

Мама подошла к мойке, Гриша сел за стол в противоположный от неё угол, у подоконника. Ущипнув тарелку, он подвинул к себе одноглазое лицо, правой рукой на подоконнике нащупал радиоприёмник, оранжевый, формой с футбольный мяч, с воронкой белой решётки. Он прокрутил на себя белое колёсико на макушке, раздался мужской голос: «До первого января 1995 года департамент столицы выявит потребность пищевых предприятий в мясниках и пекарях и направит нужное их количество...» – Гриша прокрутил колёсико приёмника назад.

– Гриша, – сказала мама, ворочая локтём с красным пятнышком, движениями по кругу вымывая щёткой жир с тарелки, – отчего Ваня к нам не заходит, вы что, поссорились?

Длинный нос укоротился и потолстел морщинами, приподнял очки, глаза сузились, брови прижались к векам, вилка и нож легли на стол, и Гриша медленно, в такт паузам нахло-

няясь к столу, начал высоко, постепенно опуская интонацию вниз, как в английском повествовательном предложении:

– Мы не поссорились, мы видимся каждый день в институте, к тому же вчера ты первая сняла трубку, когда звонил Иван.

– Ах, так это был Ваня, – не меняя тона и не оглядываясь, уже ёршиком болтая в чашке, сказала его мама, – а мне голос показался знакомым, но не узнала. А как же Саша. Вы давно с ним не виделись.

– Я звонил ему вчера.

– Так это ты с ним допоздна говорил, а я думала, с кем это ты так долго болтаешь.

– Да, я говорил с Сашей. Наш разговор коснулся разных тем. Обсуждались институты, наша общая в прошлом школа, писатели – Достоевский и Бунин.

– Даже Достоевский и Бунин, – мама заворачивала двумя руками краны и покачивала головой, словно говорила сыну: «Вы только подумайте!»

– Желаете ли вы знать, какие ещё темы были затронуты в нашей беседе?

– Нет, зачем же. Ешь, и не забудь вымыть за собой посуду. – Она вытерла руки о цветное полотенце, с виноградом и яблоками на блюде, отдельной грушей и глиняным кувшином. – Кстати, кто это вчера звонил, с таким немного грубым голосом?

– Жора.

– Я спрашиваю только для того, чтоб в следующий раз передать, кто звонил.

Цветов сложил посуду, слушая бодрый голос сестры и неслышные ответы мамы: – А папа уже уехал? А Гриша спит? Ра-аньше меня-я вста-ал? Намного? Ого, что с ним? – Цветов улыбнулся, рассеянно посмотрел на руки, что резко повернули два крана, – палка тёплой воды воткнулась в тарелку из-под яичницы, брызги перелетели через ограду раковины, струя разбивалась о жирную тарелку, салютовала во все стороны горячими каплями, и размытая, бесформенными ручьями стекала по металлическим стенкам мойки, затопляя дно. Чувствуя тыльной стороной ладони приятно горячую воду, он стал щёткой быстро чистить тарелку. Затем взял ёршик, из круглой деревянной ручки, с середины взорванный пучками розовой щетины, ловко вывернул внутренность чашки, сполоснул её снаружи, поставил вверх дном на красную решётку сушилки.

В большой комнате стрелки на часах, не доставали двух трёх минут до восьми. Гриша не спеша прошёл в свою комнату. Квартира была четырёхкомнатная; просторная гостиная, поменьше спальня родителей, две маленьких комнаты для Гриши и сестры Лены, что сейчас с мамой собиралась в школу.

В комнате Гриши, справа вдоль стены, высоким изголовьем под подоконником стояла кровать, в холмах постельного белья. Напротив неё, углом в угол стоял чёрный письменный стол. Над столом тремя ступенями к окну поднимались полки, заполненные книгами и учебниками. Между столом и кроватью провалился узкий проход. У подножья кровати засох кузнечик старого кресла. Над ямой в сиденье повис череп туманного стекла, светящийся мозгом, пронзённый золотым прутком из золотой опухоли на стене бордовых обоев. Напротив, перед столом, стояла чёрная тумба-куб, с двумя половинками дверок. На квадратной площадке эбонитовая бомба магнитофона блестела отражённым светом. Перед тумбой и креслом, вдоль стен до двери, один напротив другого, стояли два шкафа. Один составили семь коричневых полок, до потолка заполнив стену книгами. Напротив светил бельмом абажура коричневый гардероб. Если бы дверцы гардероба распахнулись сами, как иногда с ними случалось от бессильной старости, то открылась бы полка, заполненная бельём и лёгкой одеждой; под ней висели, зацепившись пустыми головами вешалки с тощими телами свитеров, рубашек, и представительного тёмно-синего костюма.

Цветов прошёл семь шагов от двери до окна, снял с подоконника чёрный кожаный рюкзак, вздохнул, уложил тетради, английский словарь, в обложке британского флага, трудовой

кодекс, роман Тургенева «Дворянское гнездо», чёрный зонт с окна. Он прощупал ручки в боковом кармане, склеил рюкзак радугой молнии. Ручка зонтика не поместилась и скрючилась сбоку. На левом углу стола осталось плато больших тетрадей, справа стенка учебников. Гриша прошёл в гостиную, – кольнули стрелки часов, – он выдохнул недовольное «тпррр», вернулся к себе, нажал на кнопку магнитофона, заиграла с середины «Alive». Он повернул колёсико громче. На стуле при столе валялись чёрные джинсы, тёмно-синий свитер. Он переоделся, кинул домашнюю одежду на кровать, вытащил правой рукой из кармана деньги, пересчитал, сказал вслух «шестнадцать тысяч», выключил звук и прошёл в прихожую. Расчесал перед зеркалом длинные волосы, одел блестящие как чернослив ботинки на высокой подошве, с круглыми носами, которые схватила лампа крабовыми клешнями, одел тёмно-синее полупальто до колен, и крикнул:

– Ма, я пошёл.

– Когда будешь?

– Вечером.

– До сиданья, Гришаа, – пропела Лена из кухни.

– Пока. – Через дверной проём он поморщился часам в гостиной и вышел.

Лифт с пятого этажа дома. В неярком свете каменные ступени, блестящие после влажной тряпки уборщицы; вереница жидких отпечатков поднимается вверх. Стены зелёной краски, что надулась пузырями, осыпалась голубыми ручьями и сытыми облаками. На штукатурке потолка глубокие царапины, чёрные надписи «love» «death», «Тюрин дурак», «Семён, мы тебя любим». Цветов, оттолкнув от себя одну за другой двери, вышел на улицу.

Он остановился на площадке над ступенями. За его спиной сильная пружина громко захлопнула дверь. Из чёрных обмоток шарфа вылез подбородок; взгляд побежал по песчаным кирпичам, запрыгал по окнам с белыми рамами и влетел в низкое пасмурное небо, ещё неясное в предраассветной мгле. Каблуки выбили скороговорку, обстучали большую лужу перед подъездом, и по мокрой асфальтовой дорожке ударили на весь двор.

Слева под стук шагов тянулась жёлтая стена пятиэтажного дома, с двумя выступами закопчённых стеклянных колонн до крыши, что плоским дном нависли над бордовыми створками в подъезды, освещённые пятнами света. Над узким проходом к первой двери сплелись ветви деревьев, – в тупике арки уютно светила лампочка в плоской каске. Между подъездами мокрые косые прутья кустов заштриховали окна первого этажа. Из тонких ветвей торчали в стороны чёрные стволы, обугленные шеи жирафов. Мелькали в движении кусты, за ними, освещёнными окнами ночного поезда, медленно проплывали зарешёченные стёкла первого этажа. В большом окне по белой занавеси, подсвеченной изнутри, тень проплыла из одной створки рамы в другую, третью, и исчезла за жёлтой стеной.

По стеклянной колонне, капель нефти по закопчённой пробирке, стекла тень лифта.

Справа, низкие ромбы из зелёной проволоки сцепились углами, как вагоны состава. Они вздрагивали от гришиных шагов, медленно двигались назад между пластинам рельс. На верхней пластине, тёмно-зелёной, как созревший лист, свернулась шариками ртути вода.

За низкой оградой на чёрной земле идолами на славянском капище стояли жёлтые деревянные звери вокруг лужи. Из головы зайца лопастью весла торчало правое ухо, левое обломано острым уголком. За лужей, за фигурами истуканов, уходящих шагом, темнел проём в бревенчатую избушку под острой крышей.

Медленно шагала по глазам горка; деревянные ступени, площадка на четырёх столбах под горочкой крыши, длинный спуск из досок. Цветов проходил, поворачивая голову за плечо. Посредине жёлтых досок вздрагивал длинный шрам пустоты. Между дощатых стенок перил, на площадке медленно появилась тёмно-зелёная бутылка шампанского с серебряным бинтом на длинном горле.

Гриша очнулся, увидел горку, бутылку, подумал: «Могли бы убрать, – дети гуляют». Он повернул на узкую безлюдную улицу, освещённую слабым на рассвете светом шариков фонарей, похожих на катыши белого хлеба. Налетел встречный воздух, сдувая с лица длинные волосы. Руки глубже спрятались в квадратных карманах пальто, зашевелили монеты, бумажный мусор. Навстречу сильнее подул влажный холодный ветер, Цветов зарылся острым подбородком в шарф. Он смотрел, как под глазами то появляются, то исчезают чёрные блестящие ботинки. Поднял взгляд от мокрого асфальта и мелких лужиц; навстречу шёл мужчина в бежевом плаще и чёрной шляпе. В левой руке он нёс равнобедренный, тощий у ручки и широкий у дна коричневый портфель, правой сжимал воротник плаща, окровавившего горло подкладкой.

Цветов вошёл в короткую аллею. По сторонам дорожки стояло по две белых скамьи. Каждая зацепилась тремя чугунными ножками за твёрдый асфальт, задние погрузились в землю; в изогнутые сиденья завалишься, как в гамак. Между скамьями завязли белые кубы каменных урн. Справа круглым парком росли деревья, среди деревьев шли люди, пересекались у высокой сгнившей клумбы, огибали её тонзуру и расходились.

Гриша обошёл мешок асфальта, скопивший тёмную воду. Провёл пальцами по скамье. На руку скользнули холодные капли, он растёр их между ладонями, кивнул головой решению, прошёл до конца аллеи. Постоял, укладывая за уши сырые волосы, вздохнул, повернулся, медленно пошёл обратно. Его окликнули. Он повернулся, стал улыбаться и пожал руку.

Глава вторая

- Ты пришёл раньше времени.
- Такое иногда случается, – кивнул головой и улыбнулся Саша.
- Пойдём?
- Наверное, лучше к метро.
- Да, у бабулек дешевле.
- Я вижу, ты купил новые ботинки.

Гриша посмотрел себе под ноги, словно проверяя, правда ли это, – да, в том же магазине, что и ты, – Гриша посмотрел на крохотную улыбку, приподнявшую правый уголок губ Саши, и улыбнулся ему в ответ, понимая нечто, неуловимо забавное в разговоре о ботинках, – отец говорил дорого, но я убедил, что прочно и надолго. Кстати, встретил недавно Серёгу, у него похожие, но выше щиколотки, – Гриша на ходу чиркнул мизинцем над круглой костью у ступни.

- Как он поживает?
- Учится, работает.
- Где работает?
- Не знаю, спешил на свидание, о чём сразу и сообщил.
- Понятно. Мы пойдём к Поле?
- Надо бы навестить.

– Как дождь придёт, мы пойдём к Поле. Кстати, недавно разговаривал с ней. Забавно звучит, Поля Полушкина, словно две половинки монеты, пол полушки. В общем, госпожа Полушкина больше не желает быть журналистом и перевелась на экономический факультет.

- В твой институт?
- Нет, но тоже платный. Платит, примерно, как мы с тобой.
- Как называется?
- Не помню. Говорит изве-е-е-стный, но я не слышал, – Саша улыбнулся и развёл руками.

По руке скользнула лямка рюкзака, он спас его ладонью над лужей.

Дружно стуча каблуками они шли по дорожке к вознесённой над толпой на металлической штанге пластмассовой букве М, очерченной по периметру контуром света. Свет погас, когда они подошли ближе.

Навстречу густо шли люди, разделяли их, обходили, но друзья снова соединялись, пробираясь к бордовому парапету.

Вдоль парапета строем стояли старухи. Ребята подошли к крайней в чёрном платке и голубом плаще. Рядом с ней, как на сыром мясе в жировых прожилках, на гранитной плите в молочных венах потела тёмно-зелёная бутылка пива. Саша спросил цену и они стали вычерпывать из карманов деньги на поднос ладони Цветова. Она пересчитала бумажки и спрятала в карман. Морщинистыми руками с жилами, словно под коричневой кожей проросли корни, одну за другой она вытягивала из чёрной сумки бутылки, приговаривая: – Молодцы, ребятки, сразу всё забрали. Пейте на здоровье. – Вам спасибо, – привычно ответили они, – всего хорошего.

В зелёном ларьке, как вагон без колёс, они купили пакетики, где под пальцами твердели нарисованные орешки. Цветову на лицо упали крохотные капельки дождя, словно мельчайшие брызги прибоя, принесённые с моря ветром. На стёклах очков по очереди, одна за другой, набухли прозрачные пупырышки и чёрточки. Друзья пошли быстрее, осторожно поправив на плечах лямки рюкзаков, где глухо звякнуло полное стекло. Гриша пробежал по чёрным каплям пальцами, замок щёлкнул, отцепил дверь.

Они пошли наверх, постукивая крепкими подошвами по ступеням. Под слаженный стук шагов, где-то на верхнем этаже хлопнула дверь; заскрежетал ключ в замке; шаркнули шаги; ударил, и как человек в бреду, неясно забормотал невидимый лифт. Гриша, наклонив голову, на ходу протирал у живота платком стёкла очков, серые ступени с блестящими ботинками полоскали кончики русых волос. Саша говорил, что Полины наверное не будет дома, и поправлял тёмные волосы, двумя серпами качавшиеся у висков.

Дверь открыла её мама, сверху-вниз оценила благосостояние друзей, улыбнулась ему. Сказала, что Полина в институте, покачала головой, сомневаясь, следовало ли её дочери менять будущую профессию. Сквозь судьбу своей дочери она коротко спросила их жизнь. Ребята рассказали о себе, пожелали всего лучшего и попрощались.

Они поднялись к окну на девятом этаже, расстегнули чёрные рюкзаки, выставили на подоконник в белой краске звонкую толпу тёмно-зелёных бутылок, рассматривая через запylённое стекло двор внизу. Под раскачивающимися ветвями, на чёрной земле, в густом садике разноцветных лестниц, качелей, турников и олимпийских колец стояли два человека. Один темнел сквозь туман бирюзовой накидки с капюшоном. У другого под красной шляпкой зонта, вертящегося колесом, постукивали друг о друга ножки в жёлтых сапожках. Рыжая с белым пятном колли и чёрная овчарка лениво переходили от дерева к дереву, нюхали кору и не замечали друг друга.

По жестяному карнизу застучал быстрый дождь. На стекле, на высохших каплях, появились тонкие царапины, затем царапины расплавились, слились в ручейки и смыли пейзаж.

Они смотрели на залитое окно, словно снаружи кто-то поливал стекло водой из ведра. Внизу редкой очередью проходили люди под зонтами, и ребятам стало уютно, в сухом и тёплом подъезде. Они сели на подоконник, свесили над горячей батареей ноги. Саша достал из кармана ключи, и особым брелоком, жёлтой головой льва с открытой пастью, скovyрнул железные крышки. Они одинаково обняли горлышки бутылок губами, сделали несколько медленных глотков и улыбнулись, не зная что сказать.

– Серёга говорил у нас почти не живёт. Живёт у подруги где-то на Пресне.

– У нас там дом строится, чуть в стороне, у реки.

– Так вы всё-таки переезжаете?

– Наверно да. Дом строится, но когда будет готов не известно.

Они помолчали, понемногу отпивая пиво.

– А что с это квартирой?

– Мама взяла льготный кредит у себя в банке, отец собирается попозже занять денег, всё это надо отдавать, поэтому квартиру продадут наверняка. Привык здесь жить, не хочется переезжать.

Всё же перемена места будет символизировать перемену в жизни.

– Как мама?

– Ты же знаешь, она болеет. Болезнь мешает ей, а потому и нам. Она немножко изменилась, стала нежнее ко мне, к отцу... Вообще изменилась... – Саша отпил пива и спросил с улыбкой в углу губ:

– Как твои сокурсники поживают, как Иван?

– Как обычно.

– Иван что-нибудь читает?

– Насколько я знаю, – улыбнулся Цветов, – проект нового Уголовного Кодекса.

– А великолепный Жора?

– Отличается. Летом был на практике в прокуратуре, теперь на каждом семинаре по уголовному праву высказывается. «Когда я работал в прокуратуре, то мне в процессе работы довелось столкнуться со случаем» – Цветов поправил очки, которые чуть съехали по длинному носу, – и рассказывает эпизод, который не имеет никакого отношения к этой статье, – Гриша

зачеркнул ладонью, – мы веселимся, преподаватель плавно краснеет, но Жора находит какое-то крохотное, формальное сходство, и привязывает рассказ к нужной статье. Кстати, Кристина передавала тебе привет.

– Спасибо.

– Спрашивала, как ты поживаешь, чем занимаешься.

– Понятно. Она уже прилетела из Лондона?

– Кажется нет. Точно не помню. То ли сегодня, то ли завтра прилетает. Интересовалась, почему, мол, у нас не бываешь.

– Передавай привет.

– У тебя ведь с Юлей всё кончено? – спросил Гриша, протягивая Саше закрытую бутылку пива.

– Да, там всё.

– Кажется, ты нравишься Кристине.

– Ну и ладно, – кивнул головой Саша и новая бутылка в его руке недовольно зашипела.

– А как там Света, она всё так же яростно тебе названивает?

Гриша сморщил лицо, дёрнул влево головой, вздрагивая свободной левой кистью: – Не так часто мы созваниваемся. Нам просто интересно общаться друг с другом. Она очень умный и тонкий человек.

– На мой вкус слишком тонкий.

– Смешно. Интересно, отчего ты её не любишь?

– Я к ней равнодушен.

– Как раз не равнодушен.

– Она больно высокого о себе мнения.

– Не выше чем мы с тобой.

– Я умолкаю.

– Она мне просто нравится, как умный и воспитанный человек.

– Великолепно. Меня больше интересует, где орешки.

– У меня в рюкзаке... А дождь всё идёт. Держи.

– Спасибо. Немного уменьшился.

– Скорее бы зима.

– Да.

– Как там Фельдман поживает?

– Жив-здоров. В перерывах между работой и учёбой рассказывает, как мечтает найти себе подругу.

Они ещё разговаривали, неспеша попивая пиво, выясняя жизнь друг друга, рассказывая новости о знакомых, знакомясь с забавным прошлым, вспоминая прошлые предсказания, предсказывая будущее. Даже когда пиво закончилось, они говорили, но нужно было искать туалет, к часу Саша спешил на лекцию, потому что они повесили рюкзаки, зажали между пальцами горлышки бутылок и спустились вниз.

Когда Саша лениво перебирал ногами ступени, на мгновение подъезд представился ему башней с винтовой лестницей, с боевыми площадками у бойниц, расширенных архитекторами в окна, а дом оказался не выросшей хижинкой, а перестроенной крепостью.

Прячась от сильного дождя под зонтом, раскрытым Гришей, Саша выстроил бутылки у зелёного бака, переполненного бумажным мусором, как пивная кружка пышной пеной; кругом, разлетевшимися хлопьями, валялись белые обёртки, пакеты, испачканные грязью, словно потемневший от тепла снег под весенним дождём в марте.

Друзья стояли у провала путей, напротив глянцевой стены из голубых квадратиков плитки. Выше, по побелённому своду ползла блестящая труба, заляпав побелку жёлтым ядом. А над ними распустился на длинном стебле бронзовый цветок люстры.

Подъехал поезд. Они молча пожали руки. Саша вошёл в вагон, повернулся, и они оба, почувствовав неловкость молчания, невозможность молча расстаться, крикнули как один человек: «Созвонимся», и засмеялись друг другу через прозрачное стекло.

Глава третья

Гриша вздохнул, нарисовал головой овал, вошёл в длинный озарённый коридор. Серые плиты пола плавно поднимались к трём аркам. Слева, навстречу Цветову шли люди. Над головами толпы, из бежевых мраморных стен торчали бронзовые руки с прозрачными пиалами. На дне, словно маслом, пиалы наполнены жёлтым светом. На мраморной стене стальные звёзды, от звезд расползлись геометрическим узором окольцованные червяки проволоки. Над ветхими щитами, в бесцветных радугах ниш подсвечивались белокаменные барельефы: рабочий занёс молот над наковальней, трубят в горны и бьют в барабаны дети, женщина обняла рукой на плече сноп пшеницы, солдат в шлеме и длинной шинели, у ноги древко знамени, что летит по ветру огромным полотнищем.

На полу сидит нищенка, протянув ладонь.

Цветов решал, читать ли Тургенева, или повторить упражнения в учебнике английского. Что-то мелькнуло, отвлекая. Он выбрал английский, и тогда вновь, уже ясно, услышал звук мелодии. Он шёл навстречу звуку, и сильнее и сильнее, чище и громче, чем неразличимый разговор людей, шуршание одежды, шорох шагов, звучала печальная музыка. И вдруг, в этом многолюдном туннеле, он больно почувствовал прекрасную печаль мелодии. Он хотел бы остановиться и жить в музыке, но двигался в толпе вперёд, уходил дальше и дальше от прекрасной музыки, которая медленно источалась, пока не растворилась в неразличимом шуме людей.

Цветов стоял, повесив голову, и чувствовал печальную музыку. Перед ним раскрылись двери, – он вошёл и остановился у закрытых противоположных створок.

Двери закрывались, но в них возник проворный толстяк; лицо его от возможного удара окаменело, щёки набухли воздухом, застыл взволнованный взгляд – и он счастливо проскользнул в вагон. Через трубочку губ вышел вздох. Голова повела вправо-влево невидящими глазами. Тут он почувствовал снисходительный взгляд, поймал ещё несколько, опустил голову вниз, повернул вправо, и между сиденьями прошёл уже пассажиром, растворив взгляды соглядатаев.

У захлопнувшихся дверей сидела желтоволосая женщина с большим телом и круглым лицом. Она вглядывалась в блестящий осколок глаза на окрашенной двери. Вдруг её взгляд взметнулся вверх, она посмотрела в лицо Грише, медленно поползла взглядом по его телу. Цветов зевнул, стал поднимать голову, – она схватила глазами одинокий металлический глаз.

Вагон был как узкий коридор учреждения, вдоль стен расселись люди в ожидании приёма у чиновника. Скучая, они раскрыли чёрно-белые газеты, цветные журналы. Кто-то спал, покачиваясь в такт движению вагона.

Над ними, как молочные капли, или гладкие груди, на потолке набухли лампы.

Малиновой щекой к Грише стоял человек, под гладкой кожей проросла синяя веточка вены. Гриша зевнул, заглянул в книгу соседа: «Человек без веры живёт ради удовольствий или без цели. Он негодная стрела в колчане воина, что покоится тягостным грузом, но врагу не страшна. Обладая верой, человек получает в дар долг своей личной жизни, который обязан исполнить. Так вера наполняет человека жизненной силой, а существование целью, что нужно поразить».

Цветов не узнал автора, но поверил в правду слов. Он подумал, что не только вера в Бога, но и своя вера в личную цель обогащает, и ещё, что очень трудно определить эту цель.

Вошла молодая женщина. У неё было спокойное, красивое лицо. Грише казалось, такие женщины добрые и нежные. Она села рядом. Цветов почувствовал, как волнуется. Он бесшумно шагнул к ней, заглянул сверху вниз на лежащий в её ладонях текст:

«Её палец начал медленно тереть левое ухо Джима, потом спустился чуть ниже, чтобы поскрести ногтём его мужественную челюсть. От шершавой поверхности этой челюсти ей

словно бы передался электрический заряд, пронзивший всю её руку до плеча и всколыхнувший в её собственном теле ураган чувств. Взволнованная его всё более участившимся дыханием, Лиз начала терять контроль над собой. Плавно двигаясь вверх-вниз, она сладостно тёрлась грудью о любимую плоть. Жгучее наслаждение разлилось в ней, когда, непроизвольно раскрывшись, губы его выдали глубокий...».

На место женщины присела старушка. Она долго бормотала пальцами в лакированной чёрной сумочке, наконец, на нос прыгнуло золотое глазастое насекомое. В руках раскрылся мужчина в синих плавках и стройная красавица в красном купальном костюме, что лежали на песке перед тремя пальцами: «Малком сжал её большую грудь своей мужественной рукой, и в ней поднялась горячая волна страсти. Она почувствовала, как мгновенно напряглись соски под его пальцами. Он наклонился к её губам, и Элеонора почувствовала, как возбуждающе от него пахло вином, лёгким запахом сигары и дорогим ароматом. Он сладостно вжался в её губы, её тело напряглось в его сильных руках спортсмена, но она не собиралась так легко сдаваться, и подавляя жгучее желание отдаться в его власть...»

Цветов выдохнул воздух, и неожиданно громко запрыгали губы. Он смутился, почувствовал жар на лице, не помня себя прошёл к противоположным дверям, в движении, безнадежно поздно понимая, что он замечен, он глуп! Справа на слове оборвался разговор. Белобрысая и русоволосая головы склонились друг к другу, из-за русой головы выглянули и спрятались ярко-голубые глаза.

Цветов разорвал молнией рюкзак, погрузил взгляд в чёрное чрево, успокоительно зашуршал листами учебников, задавил улыбку уголками губ.

– А есть у тебя «Диалоги с Вампиром»? А «Смертельный танк»?

– Кажется нет. А может есть. А про чё там, может я забыл?

– Ты, значит, танк. У тебя оружие разное, пушка, пулемёты. На тебя бегут вражики, пушки, вертолётники, а ты их убиваешь.

– Здорово. Кажется играл. Вот у меня есть «Смертельная война», знаешь? – торопливо заговорил голос.

– Знаю, – с ноткой снисхождения ответил другой. – Цветов улыбнулся и осторожно скосил глаза; медленно сдувая детские щёки изо рта выполз лиловый пузырь, моделью воздушного шара.

Пузырь празднично хлопнул, пальцы собрали в рот повисшие нити: – Играл. Барахло. Вот...

За спиной Цветова стукнули двери. Он обернулся, – щупальцами осьминога волновалась толпа. Через мгновение с криком ворвались люди, задержавшись в проёме ворот. Захватчики толкали его перед собой, загнали в противоположный угол, прижали стеной тел к дверям, и быстро выстроили баррикаду из колясок. Поезд дёрнулся, – на бок Грише острым локтём обрушился мужчина.

В салоне стало многолюдно. Цветов в тесном загоне отвернулся от людей. Под торопливый разговор со вздохами, он смотрел сквозь поверхностные лица в темноту, как скользят змеи кабеля, вспыхивают жёлтые лампы.

Григорий повернулся спиной к двери. Перед ним в ряд стояли три коляски. Каждая на двух колёсах, над которыми один на другом лежали три мешка, с надутыми боками, посредине сжатые тонким канатом.

Справа от Цветова стояли три девушки, по виду старшие школьницы. Одна, в шерстяном голубом берете, с белым лицом в конопушках, смеялась, говорила, какие у неё были в детстве волосы. Пистолетиками пальцев она показывала на берете причёску. Иногда она поглядывала на Цветова, каждый раз не замечала его взгляда, но счастливо улыбалась подругам. Как только на мгновение она замолчала, её соседка с жёлтыми косичками заговорила быстро, запинаясь и сбиваясь, как давно, ещё в детстве, когда не было этой моды, она носила такую причёску.

За девушками стояли двое ребят; повыше сложил укреплением руки на груди, пониже спрятал в карманах куртки. Они молчали, покачивались от толчков поезда, смотрели ужасно строгими, очень взрослыми глазами на девушек, искали и выдерживали встречные мужские взгляды. Один посмотрел на девушку в синем берете, другой на укрывшуюся за мужиком у коляски. Поезд остановился, молодые люди молча повернулись, вышли на платформу, развернулись, постояли, вернулись, встали на прежнем месте. Один из них, в белой шапке с красными иностранными буквами, вновь сложил руки на груди, кашлянул, переступил с ноги на ногу, пожевал губами, подбираясь к словам, после чего сказал знакомой в голубом берете: «Вы не пошли, мы поняли, вы не выходите».

«Да, мы решили на следующей», – кивнула она, улыбнулась, взглянула на Цветова, снова совершенно не заметила взгляда, рассмеялась, заговорила о зачёте, к которому как всегда не готова, и уже нет времени готовиться, потому что всю неделю будет занята, накопилось много серьёзных проблем, решение которых больше невозможно откладывать. Цветов улыбнулся полу и вспомнил, как почётно было в школе не готовиться к контрольным работам, но писать хорошо. Мальчик в белой шапке спросил у соседа, не поворачивая головы, будет ли завтра лабораторная. Сосед поймал на себе взгляд Цветова, согнал его, выждал солидную паузу, ответил равнодушно: «Нет».

– Чувырла говорила будет.

Его приятель повёл из стороны в сторону головой, ответил с ноткой баса в глубине слов: «Я точно помню, она говорила через неделю».

Девушка с косичками торопливо, словно боялась, что её остановят, рассказывала о причёске, которую носила давно-давно, сбросив прошлое ладонью за плечо. Её подруга торопливо повторяла «конечно-конечно», и поглядывала особым взглядом на невидимую Цветову девушку. Рассказчица с косичками перехватила взгляд и запуталась в своих словах.

Мальчик в белой шапке с красными буквами снял с груди руки, снова укрепил их, забормotal пальцами под ухом, опять сложил руки, сглотнул кадык, спросил: «Не помните, когда у нас лабораторная?», – и переступил с ноги на ногу. Его сосед быстро взглянул на девушку за извозчиком. «На следующей неделе, кажется. Ведь надо готовиться, – голова в берете покачалась, – а времени опять нет», – встретила с Цветовым глазами, отвела взгляд и торжествующе улыбнулась. Парень в белой шапке слушал её, хмуря брови.

В окнах засветился белый свет станции, пролетела мимо сплошная стена, потянулась полосами, застыла квадратами песочного цвета. Цветов улыбнулся, когда девушка в синем берете сыграла до конца роль и не оглянулась на него. «Неужели я был таким на первом курсе? Нет, в последнем классе школы, пожалуй, да. Как ясно через год-два они будут видеть друг друга. Хотя и сейчас многие стараются быть значительнее, чем есть, прячутся за ложными намёками, многозначительным молчанием».

Справа от Гриши сидела женщина с ввалившимися щеками. Она закинула тощую ногу за ногу, прижалась грудью к колену, обнялась руками. Она неподвижно смотрела в пол, мелкими зубками хватала нижнюю губу, но губа снова и снова выпадала.

На известной торговлей станции извозчики вывезли коляски, в вагоне стало свободно. Из колонн тёмно-красного мрамора вошла сгорбленная старуха в чёрной одежде. На левом плече висели коромыслом две холщовых сумы, грязную мешковину оттопырили как колючки горлышки и круглые донышки бутылок. Поезд, хлопнув дверями, качнулся вперёд. Бабка вздрогнула, бутылки звякнули, Цветов быстро шагнул ей навстречу. В лицо ударил густой запах блевотины, немытого тела, грязной одежды, и неожиданно для себя он увидел, как лицо её исказилось, слюнявые губы зашевелились, подобрались к грязным словам, и Цветов торопливо сказал: «Разрешите я вам помогу». «Помоги, ох помоги, сынок», – преувеличенно ласково мямлила она, пока он ставил на пол вонючие сумы.

Цветов, вкладывая чёрные лица пуговиц в петли пальто, оглянулся вдоль состава, откуда дружно выходили пассажиры. В толпе Цветов увидел глаза Семёна, в которых в ответ на его улыбку, – не придётся идти в одиночестве, – прочёл презрение, – Семён прибыл раньше по делу, а Цветову нечем занять себя. Семён шёл навстречу Грише, не убыстряя шаг, степенно поглаживая чёрный воротник рубашки, остановился на мгновение, выдернул из рукава чёрного пальто чёрный манжет, взглянул на часы, снова неспеша пошёл. Гриша ждал. Он переминался с ноги на ногу, разглядывал станцию метро. Пожав руки, молча пошли рядом. Цветов стеснялся молчать:

– Как вчера отгуляли?

Семён в ответ оттянул голову к дальнему плечу, приоткрыл челюсть и стал внимательно вглядываться в Гришу, потом кивнул, понимая слова: – Погуляли неплохо, дааа... – протянул загадочным голосом прекрасных воспоминаний. Цветов нарочно молчал, разглядывая, как его блестящие ботинки поднимаются по серым ступеням.

– Оторвались обалденно! Разрядились на полную катушку... Гурген тако-о-ое отфигачил, – не верил памяти Семён и качал головой.

– Наташа! – Оглянулась коренастая девушка, с прямыми до плеч чёрными волосами, карими, выпуклыми глазами, толстыми губами, уголки которых были опущены вниз. Цветову было забавно смотреть на её вечно обиженный вид, когда она, печально опустив уголки губ, думает о квалифицирующих признаках кражи или правах страхователя. Она была милая, но Цветова каждый раз до жара в теле злило её стремление поговорить с преподавателем, рассказать о своей жизни, с готовностью ответить, поддержать пустой разговор, выполнить его просьбу, чтобы войти в число любимчиков.

Семён небрежно кивнул и отошёл к палаткам, длинным составом застывшим на перроне тротуара. Пышка, как друзья звали Наташу, быстро рассказывала Цветову, что не успела подготовиться к семинару, а «уголовник» её непременно спросит. Гриша улыбался тому, как она опять чётко ответит, а её кокетство незнания превратилось в ритуал, за исполнение которого последует отличная награда.

Гриша слушал, посматривая через дорогу. На тёмной равнине, в припухшем сизом небе, словно под клубами сигаретного дыма, стояли башня, пролёт ступеней, изогнутый трёхэтажный ремень институтских зданий.

Семён закурил, и они пошли по дорожке, протянувшейся между многоэтажными домами. На асфальтовой поляне, окружённый длинными стенами полосатого, бордово-белого цвета, стоял белый куб института, в четырёх рядах квадратных окон. Над каменной лестницей нависла крыша, проросшая пнями двух бетонных стволов.

Гриша и Наташа остались на ступенях перед входом. Она медленно курила, сжимая полными пальцами, блестящими от множества колец, тонкую коричневую сигарку. Они лениво переговаривались, смотрели, как первые капли дождя взбивают пузыри в лужах на чёрном асфальте. Мимо поднимались второкурсники, складывая под навесом зонты, сбрасывая на спины капюшоны. Остановились на мгновение девушки из группы, спросили, отчего не идут наверх. «Рано» ответил Гриша, Наташа показала сигарку.

Глава четвёртая

В кабинете с тремя большими окнами напротив голой стены, сидели за блестящими партами, по одиночке и парами, несколько человек. Гриша сел за свободный стол у окна. По одному и группками заходили студенты.

Вошёл Жора – двухметровый рыжий великан, с алыми щеками и припухшим коротким носом. Над белым лбом с красными веснушками рыжие волосы вздымались волной, спускались к бритому затылку. Он оглушительно крикнул «привет», с силой сжал Цветову руку, швырнул на парту рюкзак, с грохотом свалился на стул за Гришей, развернулся к окну спиной, пробасил сразу всем: «Во, погода, да?»

Рядом с Цветовым бесшумно сел, церемонно поздоровавшись, Иван. Он поставил на колени опрятную сумку. Улыбнулась молния, на стол легла аккуратная пачка печатных листов, сшитая ровными стежками шерстяной нити, рядом белоснежная тетрадь, по обложке расчерченная идеально прямыми, параллельными чёрными линиями.

Через несколько минут в кабинете стало многолюдно. Кто-то читал, подперев руками нависшую над книгой голову. На последней парте кто-то списывал, придерживая пальцем строчки в чужой тетради. Две девушки по очереди кусали огромное жёлтое яблоко, и ставили его между собой на парту. Двое друзей, склонив друг к другу головы, вписывали буквы в перекрёсток кроссворда. Наташа говорила с Катей, поддерживая подбородок на подносе ладони, а перед ртом шевелились пальцы, словно щупальца. Вдоль коричневой доски, от окна к двери ходила худая девушка в очках, с тетрадью перед лицом. Она останавливалась, прятала тетрадь за спину, (подарок для ребёнка), шептала, кивала словам, вновь подносила к глазам текст и трогалась с места. Иван с Гришей разговаривали у окна, поглядывая на мокрый асфальт, лужи, и бордово-белый полосатый дом напротив, что за туманом дождя казался грустным. Цветов рубил разговор ударом руки, стирал в ладонях, зачёркивал указательным пальцем, Иван в ответ степенно кивал, или размеренно отсчитывал маятником головы несогласные секунды. Через распахнутую дверь входили, выходили студенты, заглянула пепельная голова, определила по лицам курс и исчезла. Жора посидел за партой, достал толстый том «Войны и мира», вложил палец закладки, пошёл по кабинету. Он заглянул сверху-вниз в разговор девушек; они сидели гнездом на стульях и партах, говорили, что зимой ногти не растут; одна из них купила прекрасную жидкость для снятия лака, очень дорогую, но не могла удержаться, – Жора захотел купить себе жидкость, оказалось, он давно мечтал окрасить мизинцы, – но девичьи рты сжались, брови поникли к глазам, – тогда он рассказал, взмахивая над головами громадной рукой с книгой, так, что они пригнули головы, как необходимо помогать страждущему, а не *супонить* брови, ибо так велит великая русская литература. Одна из девушек прощально кивнула ему ладонью к доске; «Жора!», строго сказала другая, – и он пошёл дальше, чтоб вытянув шею, через плечо подсмотреть короткометражный фильм из фотографий. Он поощрительно похлопал по плечу щуплого паренька, поднёсшего к носу развёрнутый учебник, но мгновенно сорвался к доске, возмущённо бая «Что же это такое!», пытаясь охватить огромными руками двух сокурсниц, которые смеялись, увёртывались от его рук и защищали рисунок головы мокрой тряпкой на доске, которой в затылок вонзилась меловая стрела с оперением «Жора».

Ровно в два вошёл лектор, закрыл за собой дверь, поторапливая оставшихся в коридоре. Преподаватель по трудовому праву, толстяк лет сорока пяти, с толстыми щеками, полулысой головой. Волосы росли на затылке, а от уха до уха к потной коже прилип чёрный локон, разделявшийся стрелками, как проросший лук. Он положил на стол портфель, поздоровался. В ответ все встали с мест, только Жора широко расставил руки, сделал видимое усилие, услышал «садитесь», в изнеможении откинулся на спинку стула, громко выдохнул, отчего лектор подбрисил от стола взгляд.

Лекция начиналась медленно и неторопливо. Преподаватель, поникнув головой над пачкой листов, мямлил: «В прошлый раз мы с вами остановились на теме „Трудовой договор“. Мы рассмотрели основания прекращения трудового договора. Сегодня мы пойдём дальше. Сегодня мы рассмотрим основания расторжения трудового договора, заключённого на неопределённый срок, по инициативе работника. Мы, прошу вас собрать ваше внимание. Тема важная и интересная. Всем вам придётся с ней столкнуться».

Цветов стал записывать за многословным лектором редкие нужные предложения. Жора что-то спросил. Лектор поднялся со стула, стал рядом с партой, торопливо отвечал, по очереди вынимая из замка между грудями ладони. Потом помолчал, пригладил блестящий локон, спросил: «Я ответил на ваш вопрос?» Жора кивнул, соевой глухо крикнул «угху».

Цветов медленно дописал предложение, повернул голову, осматривая кабинет. Челюсть плавно потянуло вниз, он кивнул головой и проглотил зевок. Гриша раскрыл «Дворянское гнездо», из страниц на стол скользнула фотография белой церкви в зелёном поле.

Повернулась Катя Севела, спросила:

– Что читаете?

– Проект нового уголовного кодекса, – ответил Иван.

– А ты?

Гриша поставил на развёрнутые страницы книгу обложкой к Кате. – Ого, – она улыбнулась, – интересно?

– Очень!

– Ну-ну, читайте, – улыбнулась она опять, повернулась спиной в сером свитере, где по оранжевым полочкам скакали белые олени.

Внимание к преподавателю быстро рассеялось; кто-то лёг на парту, зашептались, на листках зачертили игры, зашуршали газеты. Лектор стал постукивать ручкой по столу, приговаривая: – Потихше. Потихше, пожалуйста. Я понимаю, все мы устали. Так, в том углу сидим, слушаем меня или не слушаем?

Повернулась Наташа, спросила, где Алексей. Гриша ответил, что у зубного врача, распинная пятернёй обложку на парте. – А что случилось? – брови у Наташи взлетели вверх, сложив на лбу мелкие морщинки, а уголки губ опустились ещё ниже. Лицом к окну ухом к Грише повернулась голова Кати.

– Выбили пломбу.

– Ах, боже мой, – прикрыла Наташа рот пухлыми пальцами, густо унизанными разноцветными колечками, – Ты слышала? – толкнула она пальцем в спину Катю.

– Да сам он виноват, – с громким голосом между плечами Ивана и Гриши появилось веснушчатое лицо, – нечего по ночам лазить по чужим районам. Надо же думать!

– Причём он лучше других знает, как опасно в глухих местах, – у него друга закололи ночью на стройке.

– Мы вам не мешаем? – радостным голосом спросил лектор, – может быть нам выйти? – Девушки отвернулись к доске, Цветов взглянув на преподавателя, опустил глаза в книгу, Жора выпрямился, и стал рассматривать, как у лектора сполз синий, скошенный на бок узел галстука, открыв белую пуговку рубашки.

– Итак, мы вынужденно прервались, – он подтолкнул голосом слово вынужденно, кинул взгляд в невозмутимое лицо Жоржа, и пораженчески склонил голову над столом, – продолжим.

К концу лекции у Цветова рука писать устала, и когда объявили перерыв, ручка выпала, как убитый солдат, на изрытое поле листа. Гриша потянул себя за руки вверх, недовольно посмотрел, как Иван острым карандашом приписывает аккуратные строчки на полях проекта уголовного кодекса.

За окном шёл дождь.

В кабинете горел жёлтый свет. В длинной многоэтажной стене зажглись первые окна. В тумане дождя по воде, затопившей асфальтовый двор, шагал сутулый студент в чёрной кепке и пальто. Жора, скучая, медленно переходил от парты к парте. Откинувшись телами к стене, с криками бросали карты друзья Семёна, ударяли от спора ладонями в стол. Катя придавила лбом руки. Цветов сел на место, раскрыл роман.

Вошёл лектор, бесшумно прикрыл дверь. Дверь мгновенно распахнулась, вошёл Жора. За ним ещё несколько человек. Проводив спину Жоржа глазами, побарабанив пальцами по столу, посмотрев на листы на столе, трудовик сказал сипло: «Продолжаем». Он осмотрел класс, кашлянул в кулак, поискал глазами на столе ручку, и сказал громче, унимая разговоры у дальней стены: «Продолжаем! Ита-ак, для начала запишем определение. Данное мной, то есть мной самим, собственноручно, что ли, составленное», – и пригладил локон к макушке. Гриша подпёр кулаком левый висок, закрыв глаза выслушал, как исследования трудового договора помогли лектору стать полнокровным доцентом.

Цветов медленно записывал знания, скучая, создавал орнамент по краям листа, из рисунков скуки, – профиля лектора, колонки повторения слова доцент, вереницы синих кошек, мордочкой в хвост, узора росписи, арабской вязью украсившей нижнюю кромку.

После лекции Жора подошёл к доценту, разложил на его столе громадную тетрадь и стал пальцем указывать сложные строчки. Лектор послушно кивал потной головой, часто приглаживал пропотевший локон, и повернувшись к Жоре, который уже подвинул себе стул и сидел рядом, диктовал ответ. Жора кивал, записывал, спускался глазами по строчкам за новым вопросом, отмеченным чёрным клубком. Гриша, Иван, Катя и Наташа ждали его у дверей, с улыбками обсуждая, как покраснел лектор, как заикаясь говорит, а Жора сидит на его стуле и важно кивает, неторопливо записывает. Наконец они, посмеиваясь над независимым видом Жоры, пошли в столовую.

Глава пятая

Как Цветов квалифицирует такой случай. Старушка, просит соседа, – говорит: «напишу письмо, сама мол уйду из жизни, нет сил жить впроголодь, но Бог не велит себя убивать, ты приди, прикреплю верёвку к потолку, выбей скамейку, а я тебе за это дарственную на комнату отпишу». Он делает, как она просит. Что это, доведение до самоубийства, умышленное убийство, может быть, нет убийства?

– Умышленное убийство с корыстным умыслом.

– Правильно, – только необходимо уже наизусть знать квалифицирующие признаки. Приведённая фабула, можно сказать, не слишком, в целом, характерна для сегодняшней криминальной ситуации в России, но вы должны знать, что из-за квартир, квартирного вопроса совершается огромное количество убийств, и если кому-нибудь придётся работать следователем, следует помнить, что любое самоубийство одинокого человека, вполне может оказаться умышленным убийством.

– Другой пример. Изъятие органов, тканей человека для продажи, за границу. Например, врач зарезал больного, сказал нечаянно, врач плохой.

– Если докажем, что с субъективной стороны был прямой умысел, то за умышленное убийство.

– А если врача заставили, запугали, принудили, но резал он.

– Тот, кто принудил.

– А вот Проект Уголовного кодекса, который я просил вас изучить, собирается ввести ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации. В вышеприведённом примере, по новому Уголовному Кодексу, как будет отвечать преступник?

– По совокупности, за убийство и за принуждение.

– А какая будет совокупность?

– Идеальная.

– А почему?

– Одним действием совершается два преступления.

– Правильно. – Преподаватель наклонился вперёд, заложил руки за спину, стал задумчиво прогуливаться вдоль передних парт, затем сказал, – садитесь пока.

Вы видите, действующий Уголовный Кодекс нуждается в доработке. В большей степени это относится к экономическим и хозяйственным преступлениям. Именно таким способом обворовывают, иногда откровенно грабят нашу страну. Мне приходится участвовать в разработке Проекта Уголовного Кодекса, и за каждую новую статью, даже поправку к статье, устанавливающую ответственность за то или иное деяние, в Государственной Думе идёт настоящая война. Те, кто наживается на пробелах в нашем законодательстве, не желают без борьбы терять свои доходы, и нам не всегда удаётся убедить депутатов в своей правоте.

Перейдём к доведению до самоубийства. Севела, ответьте, пожалуйста, является ли умышленное самоубийство преступлением?

– Да.

– То есть как да?!

– То есть нет, не является.

– Так является или не является?

– Нет, не является.

– Точнее!

– Нет, не является.

– А что является?

– Доведение до самоубийства.

– Не надо подсказывать, пусть сама думает! Кодекс закройте... Разберите эту статью по нашей схеме. Состав, квалифицирующие признаки, проблемные вопросы. Прошу.

– Эту статью?

– Что «эту статью»?

– Разбирать доведение до самоубийства?

– Разумеется, и побыстрее пожалуйста, у нас мало времени.

Катя отвечала неуверенно, вердиктом было:

– В целом плохо, Севела. Если будете так отвечать, то экзамен вы не сдадите. Садитесь.

Катя дёрнула головой, словно освобождая шею, и села, глядя поверх Наташи в окно. Преподаватель закурил, глубоко затянулся. Паровозной струёй выпустил густой поток дыма в потолок, посмотрел, как над ним завертелся облачный клубок, спросил, осторожно укладывая спину на спинку стула:

– Есть ли у кого вопросы?

– Какие требования к курсовым?

Он кивнул, засасывая дым из сигареты: – Хороший вопрос, – через щель в левом углу рта забила в предсмертных конвульсиях струя дыма, – желательно уже сейчас выбрать тему и согласовать со мной, – он быстро поцеловал губами оранжевый фильтр сигареты, – все требования к оформлению, – на мгновение он отпустил от подбородка седую бородку, – узнаете в учебном отделе, но уже сейчас вы должны, – в правый уголок рта воткнулась стрела, – должны собирать законодательную, – через пробоину хлынул белый мороз, – законодательную базу. – На круглом плацу белый солдатик в оранжевом кивере сломался, развалился и его труп рассыпался в прах. Поднялся и растворился сизый дымок отлетевшей души.

Лектор встал, прихрамывая на левую ногу заходил от окна к двери вдоль чёрной доски в меловом рассвете, ударяя в каждое слово голосом, снижая интонацию к точке смерти предложения.

– Курсовая работа должна быть написана на базе критического отношения к проблемному материалу. Я хочу, чтобы вы уже сейчас ополчились на юридическую литературу. Так же без подробного изучения законодательства не будет хорошей курсовой работы. Юрист без знания законов, всё равно, что ноль без палочки, так же тёмн и страшен.

Гриша поставил на парту локоть и подвесил за крючок большого пальца челюсть. Он слушал, а живот голодал, свернувшись ледяным червём. Цветов вспомнил, как Жора разговаривал с трудовиком, как они опоздали в столовую, лицо его сморщилось, как от кислого, а очки приподнялись на сжатом морщинами носу. Он отсчитал шесть часов без еды, но ещё будет английский. «Зато хорошо сегодня пили пиво. Пиво очень питательное. Однако есть хочется. Лучше не думать о голоде. Если бы не пил пиво, остались бы деньги покушать, но тогда бы, во-первых, не посидели бы с Сашей, кроме того, Иван купит, но как-то не хочется. То есть хочется, но нет времени идти. То есть в перерыве можно сходить, но не хочу одалживаться. Надо, надо выбрать тему курсовой. Сегодня вечером определяюсь с темой, посмотрю материал. – Известный криминалист, с его работами настоятельно рекомендую вам ознакомиться. Наконец, обязательно сравните положения действующего Уголовного Кодекса с проектом. – Кристина сегодня прилетает из Лондона. Уже прилетела. На английском будет блистать произношением. Дэвид попросит рассказать о поездке, объяснить несколько характерных новых фраз, примеры общеупотребимого сленга, мы будем вопросы задавать. – Откуда, так сказать, растут ноги в плане мировоззрения. – Смешно. Сколько же до конца? – Цветов посмотрел на часы Ивана. Часы дёрнулись вперёд, назад, отпрыгнули к краю парты. Перевернулись циферблатом вниз, и потом медленно, осторожно выглянули, из-под запястья. Цветов увидел победный знак стрелок, кивнул Ивану, и голова сорвалась с вешалки пальца.

Глава шестая

- Дэвид, ты идёшь домой?
- Нет-нет, мне нужно заходить учебный отдел.
- O`key, good by!
- До свиданья! Не забудьте учить слова.
- Всё же забавно слушать исковерканный русский.
- А ему смешно слушать исковерканный английский.

– А мне произношение не нужно. Я своим доволен, кому надо, так поймёт. Главное знать грамматику, – говорил Жора, медленно надевая длинную чёрную куртку с верёвочками на поясе и по подолу, пока его ждали у дверей. У подола Жора еле завязал, так чтобы большой бант свободно болтался между колен, зато верёвку на поясе затянул так, что ниже талии куртка топорщилась пышной юбкой, а выше надулась богатырской силой.

На улице во мраке моросил дождь. Студенты шли по тёмной улице, между стенами домов, освещённых выбитой мозаикой окон. Они проходили по кругу фонарного света и исчезали в темноте. Их лица побелели у аптечной витрины, пожелтели у длинного состава света, разделённого тенями перегородок. На мокром асфальте пульсировало, словно сердце, голубое слово «Диета». Они вошли во двор, словно на дно глубокой чаши: вокруг стены, освещённые окнами, внизу темно, словно чашу спрятали в сундук, – в редкие щели проникает свет, горит квадратными чешуйками.

На мерцающем, как новогоднее дерево проспекте вместе с мокрым шумом дороги налетел ветер, полез за пазуху. Гриша застегнул до горла пальто, поднял воротник, выставил голову вперёд, ускорил шаг, чувствуя телом, как рассекает влажный поток воздуха. Все шли молча, прижав подбородки к груди, стараясь скрыться от дождливого встречного ветра. Наташа с Катей обнялись под зонтом, по-летнему пёстро разделённого на красную, синюю и жёлтую трети. Только Жора, временами замолкая под сильными порывами ветра, который ел слова, говорил, поворачивая раскрасневшееся лицо:

- Вот погодка для мужчины! Такая погода мне нравится!

В метро постояли, отогреваясь в тепле, стягивая перчатки, разматывая шарфы, потирая для тепла руки, и ждали, когда уедет состав, куда зашёл Семён с друзьями.

Сели на сиденья в пустом вагоне. Вошли двое молодых людей, коренастых и крепких, одетых в летние белые кроссовки, голубые джинсы и синие куртки. Не снимая плоских чёрных кепок, они прошли мимо студентов на пустые места, осматривая с ног до головы девушек, не замечая ребят. На сиденье они о чём-то перешёптывались, улыбались. На следующей остановке, с платформы они осмотрели студентов, криво улыбаясь.

- Не понравились мы ребятам, – улыбнулся Цветов.
- Справедливости ради отметим, как и они нам.
- А мы им понравились, – сказала Катя.
- Это бесспорно.
- Отловить их где-нибудь, да отлупить, чтоб не пялились.
- Что случилось, Жора? Откуда столько агрессии? – под арочками бровей увеличились серые глазки Ивана.

- Надо проводить профилактику, очищать общество.
- Откуда же такие решительные меры?
- Из мести за Алексея.

Вскоре все разошлись по лучам своих путей, Цветов остался один.

Сначала голова была пуста. Потом вспомнился досрочный экзамен, что скоро сдавать; затем, что завтра Кристина обязательно придёт в институт. Он улыбнулся тому, как с Сашей

начал день, как тяжело, после разлуки начинался разговор, словно с трудом открывалась дверь на старых петлях, высушенных ржавчиной; но как приятно было почувствовать прежнюю дружбу.

Мысль завершилась, остальные поглотил прожорливый голод, мгновенно опустошив голову.

На улице, привычно не замечая дороги, он шёл быстрее и быстрее, подгоняемый холодом и голодом. Во дворе подумалось, что дома не садились ужинать, ждут его. От этого вдруг стало приятно жить, и неожиданно сильно захотелось очутиться дома.

В подъезде пахло рыбным супом, было сыро, тепло и тихо. Гриша раздражённо слушал, как медленно сползает кабина лифта, дребезжа и постукивая. Неясно бормотал мотор, словно заговаривался человек в бреду. Цветов разматывал сырой шарф, расстёгивал пальто. Наконец, двери перед ним раскрылись, и вдруг, словно хлопнула книга со стола, глухо ударила входная дверь, за ней ещё одна, и с каждым шагом приближая Цветова к бешенству, по лестнице медленно стали подниматься шаги. Цветов не задумавшись, привычно поставил ботинок между створками дверей, которые словно часы, каждые шесть секунд съезжались, ударяли в ногу, и отъезжали обратно. – Подождите, пожалуйста! – искореженный старостью голос скривил Грише лицо.

Подошла Зинаида Гельмановна, старушка, которая жила этажом ниже. В лифте она спросила об институте. Цветов вежливым голосом рассказал. Она заключила, что в её жизни институтские годы были одними из самых интересных. Гриша согласился, она вышла, вежливо попрощавшись, пожелав удачи.

«Зачем выпрашивает? Неужели интересно знать, чем живу, или интересуется из необходимости вежливости добрососедских отношений?»

– Привет, – мама задержалась перед дверью со слоёным тортом из кремовых тарелок, – как в институте?

– Как обычно.

– Мой руки, будем кушать.

В гостиной на диване лежал отец, распрямляя спину, которая за день уставала и к вечеру болела. Лена сидела в ногах, как сестра у постели больного. На экране телевизора неправдоподобно ярко светились труп на мокром асфальте, врач в белом халате, на корточках у разбитой выстрелом груди, с помидорным пятном поражённой мишени, рядом апельсиновый чемоданчик, группка милиционеров, в фуражках и чёрных куртках, а за бело-жёлтой лентой, прыгающей в ритуальном танце на ветру, толпа зрителей под зонтами.

Гриша подал отцу руку. Лена строго спросила, отчего он поздно пришёл. Цветов устало улыбнулся, ответил о занятиях в институте. У себя в комнате он включил магнитофон. Не чувствуя чёткой музыки, скачущей галопом, лениво переделался в домашнее.

Стол на кухне был придвинут к подоконнику. Отец сидел спиной к стене, мать напротив, спиной к плите, Лена и Гриша рядом, лицами к окну. Мама говорила, раскладывая со сковороды по тарелкам ужин, что надо переставить стол Утёнка, – она вечно выглядывает во двор, не может сосредоточиться на домашних заданиях.

Под разговор сестра выменяла у Гриши его большую вилку. Есть длинной вилкой было неудобно, она сжимала её в кулаке, словно дротик, не попадала с первого раза в картофелины, и гоняла их по замасленной тарелке как хоккеист шайбу. Цветов ломал по сторонам света круглую котлету, быстро ел, слушал, как вредная Мария Антоновна, учительница русского языка, придирается к Утёнку, а к другим девочкам она относится по-другому. В ответ мама предупредила, что после ужина проверит домашние задания. Гриша рассказал о досрочном экзамене, что назначили на будущую неделю. Отец заговорил о поездке на дачу, где необходимо прибраться, запереть ставни, проверить замки и отопление перед зимой. Мама хотела посадить под зиму чеснок, и Гриша должен был вскопать грядку. – Беседа текла дальше, и нечто важ-

ное и не важное из жизни каждого становилось общим; продолжались ежедневные мелочные разговоры, роднившие семью.

После ужина Гриша неохотно встал из-за стола, мама стала собирать тарелки, отец с Леной ушли в гостиную. Она села к отцу на колени, указательным пальцем провела по извилистой границе отцовских волос, выдававшейся русым мысом посередине, с глубокими заливками кожи по краям: – А почему Илейка не приезжает?

– Он не Илейка, а Сергей Сергеевич Муромцев, дядя Серёжа. Не вздумай назвать его Илейкой!

Сестра захохотала, Гриша закрыл дверь, уничтожив свет в комнате. Он стоял в темноте; слушал приглушённые до загадочности слова, лай собаки во дворе. Впереди, как выход, светлело окно.

Цветов включил свет, вдавил ладони в стол, стал вглядываться в фотографию деда, где у него залысины седых волос, как всегда аккуратно уложенных назад.

Он включил музыку, но песня быстро доиграла, магнитофон замолчал.

Гриша вышел в опустевшую гостиную, просмотрел программу, вернулся в комнату, лёг на кровать.

Он спросил у себя, не стоит ли поработать, или почитать Тургенева, но остался лежать, в особом состоянии усталости, без желаний. Полежал на диване, затем встал. Погасил мозг в мутном черепе абажура, вышел в гостиную. В руках сам собой очутился многоцветный журнал с программой. Гриша заметил его, швырнул на чёрный кожаный диван. Журнал пролетел, шелестя крыльями, и умер яркой птицей. Телевизор напомнил, как после покупки, мама часто говорила, о ярких сочных цветах, чётком изображении на экране, а отец, сжимая губы то в правом, то в левом углу, мямлил улыбку, – Гриша улыбнулся.

Мама на кухне мыла посуду. Сын стал протирать влажные горячие тарелки, гревшие пальцы сквозь полотенце. Она спросила, успеет ли он подготовиться к экзамену. Цветов почувствовал раздражение от вопроса, – он третий год сдаёт экзамены, так почему не успеет, – «успею, нас заранее предупредили», – ответил он спокойно, со словами передавая ещё тёплую сковороду, с прилипшими золотистыми кочками. И вдруг, – «А как подживает та девочка, она ещё не вернулась из Англии? Понравился ей Лондон?» – «Понравился ей Лондон?! Невинное предложение, способ скрыть любопытство. Может о ней часто рассказывал? Или она её запомнила со Дня Рождения? Тогда имя помнит. Значит, притворяется, не называя! Несколько раз видела её на фотографиях».

Выдержанным голосом Гриша ответил, что на днях приедет, точно не помнит. Мама, понимая, кивнула головой. Гриша взглянул в окно; в темноте были вырезаны светящиеся шашечки дома напротив, дождь не был виден. Мама уже вымыла сковороду. Цветов спросил, нужна ли его помощь, в общепринятое заключение разговора, не прикрывшись которым, невозможно уйти, и услышав ожидаемое «спасибо, нет», вернулся в гостиную.

Он раскрыл на себя дверь со стеклом, вышел на балкон. Внизу, в темноте внешнего двора, шевелились тёмные деревья. Под балконом горела фонарная лампа, прикрытая железной миской. Ниже, рядом дрессированных собак лежали освещённые машины, расписанные иероглифами ветвей. На ветру было зябко. Казалось, из огромных луж всплывает, как облако песка, сырость. Растворёнными медузами туман липнет к стенам домов, каплями оседает на стеклах, тёмными пятнами на бетонном столбе фонаря.

Горячее лицо остыло, он вернулся в гостиную, где привычное тепло, непривычно ощутимо укутало тело, как горячая женщина.

По телевизору выступал солидный господин в дорогом костюме, объяснял как нужны знающие юристы, какие грубые ошибки допускаются дилетантами. Напротив сидела красивая ведущая, с репой микрофона на кулаке. Жёлтой головой со вздёрнутым носиком она кивала в такт паузам, ударениям и молчанию собеседника, а под фразу «некоторые представители про-

фессии действительно, будем откровенны в освещении этого вопроса, сотрудничают с преступниками, иные всеми способами, в том числе мошенническим путём, выманивают деньги у клиентов, другие по ходу рассмотрения дела, продаются противоположной стороне и помогают лишить своих подзащитных имущества или даже свободы», – она удачно повернула голову и улыбнулась зрителям плотными ровными зубами. Экран погас.

Он постоял между светом и темнотой перед комнатой, слушая, как приближаются шаги мамы: – Ну, – прозвучало строго и бодро, – приготовила тетрадки? Сейчас проверим, как ты позанималась.

– Мне давно уже спать пора.

– Ничего страшного, проверим работу, ляжешь спать.

Гриша улыбнулся, закрыл дверь. Постоял в темноте. Прошёл две шага вперёд, включил свет в ледяном шлеме, вернулся к двери. Прислонился спиной к гардеробу, над поясницей, между позвонками упёрся ключ. Замелькали перед глазами разноцветные корешки: «Романтическая новелла девятнадцатого века», «Любовная лирика эпохи Возрождения», «Этические проблемы в русской философии», «Большие надежды» Диккенса, потянулись однотонными рядами многотомные сочинения Льва Толстого, Достоевского, Ивана Тургенева, Пушкина, Ги де Мопассана, Шекспира, Николая Гумилёва, Золя, Оскара Уайльда, Чехова, Михаила Булгакова, Бодлера. Прилипнув пальцами, он стёр своё отражение, вытащил стихотворный томик из собрания сочинений Лермонтова. Из книг, блеснув очками, вновь посмотрела голова с длинными волосами. Он задрал подбородок вверх, поводит из стороны в сторону, погладил ладонью горло, потёр пальцем под носом, кивнул отражению и вышел.

В ванной комнате Цветов снял очки, выдавил на ладонь розовый завиток крема, вспенил в ямке ладони, тремя пальцами размазал по волосатой коже. Под тёплой водой омыл липкие пальцы, обнял ствол бритвы с ребристой корой. Оснеженные щёки поворачивались из зеркала, то правый, то левый глаз скатывались в угол мешочка, отчего отражение лица напряжённо косилось. Бритва медленно скользила по упругой коже, стирая волосатую пену. Подушечка мизинца, словно крохотный зверёк, заметалась по плато щёк, по выступу подбородка, зацепилась за кустики под левой скулой. Бритва покорно подставила согнутую шею с широким ртом, как у рыбы-молота, под тёплый водопад из крана. Лезвие вычистило закоулки лица. Острый рельеф затопило на мгновение горячее озеро, затем ещё одно, заполняя мохнатые пещерки. Прижалось пёстрое мягкое полотенце, словно ковёр листвы покрыл гору. Холодным снегом на кожу лёг тонким слоем бальзам, морозцем пощипал лицо. На подбородке прыщик крови выступил осколком гранита.

В гостиной Гриша лёг на диван, включил телевизор. В будничном американском сериале шериф в чёрной шляпе вновь наводил порядок. Сначала грозными словами. Затем внушительными кулаками, от которых к дощатому потолку подлетали хулиганы. Наконец, когда зритель понимал, насколько ужасны злодеи, с помощью длинноствольного блестящего револьвера.

Гриша оглаживал правой ладонью щёки, придавив затылком левую.

Шёл один из тех фильмов, где генерал плачет над погибшими солдатами и называет их по имени, офицеры всегда любезно согласны подвезти рядового, героя ранит только в левую руку, чтоб правой, из захваченного у противника автомата, он мог разить супостатов, солдаты в окопах улыбаются и разговаривают, когда над ними взрываются снаряды, а враги валяются очередью слева направо, вслед за движением пулемётного ствола.

В программе о финансах рассказали, как чуть-чуть понизился курс рубля.

Гриша рассматривал в углу потолка мелкие трещинки.

В красном кресле расположился модельер, по бокам две красивые девушки. Они улыбались всем его словам. Он прикладывал два пальца к брови, мысль была током, рука отскакивала, и слова лились, вращая кисть, словно мельничное колесо. «Понимаете, это было роскошно, шикарно», – шикарно на букве а провисло, разведя руки в стороны.

Под музыкальную фразу «ты-ты-тын/ – ты-ты тын/-ты-ты-тын/-бум/-бум/», – которая повторялась снова и снова, но каждый раз быстрее, по паркету побежали полосатые котята, с неба в миску посыпались сушёные головастики корма.

Где-то исчез бензин, застыли колонны машин, и только переполненные троллейбусы разъезжали вдоль заснеженных улиц провинциальной столицы.

Гриша свернулся калачиком, подложив под щеку сложенные ладони.

Солдат за издевательства застрелил двух сослуживцев и застрелился сам.

Гриша читает телевизионную программу на последние дни недели.

Лысый толстячок положил за щеку конфету. Мгновенно на его груди появилась тонкая рука с лиловыми ногтями, у плеча женское лицо, вытягивая губы пропело «обожаю», мужчина забормотал победную мелодию, и вдвоём они упали вниз экрана, а сверху конфетти посыпались конфеты.

Премьера спектакля по роману Галки «Обоснование приговора». Актёр в чёрных ботинках, чёрном пальто до пят бежит по дощатому помосту, воздев руки к небу.

Гриша сидит, сложив по-восточному ноги, покачиваясь, смотрит на сцену.

Молодая дама с блестящим лицом, рассказывает красным ртом, что «элегантный стиль, в котором выполнен образец, вас покорит, а глаз обрадует изящный оттенок, выполненный в классических цветовых тонах, и вы замрётё в предвкушении блаженства у себя в ванной комнате, где уже установлено специально для вас, это оборудование нового тысячелетия, всемирно известнейшей и наиболее популярнейшей немецкой фирмы, совершенно безусловное достижение прогресса, обладающее обширным набором уникальных функций, в свою очередь позволяющих вам, лёгкими, непринуждёнными жестами рук, совершенно без усилий регулировать спускание воды».

В притон наркоманов под утро ворвались милиционеры; выстраивают вдоль стены дурных подростков.

Гриша мизинцем шевелит ноздрю.

Музыка. Женщина в облегающем платье гладит себя руками, ныряет лицом в экран, под подбородком повисают сосульками белые груди.

Под рассказ о падении самолёта, Гриша раскрыл над собой полог журнала с программой передач, прочитал анонс очередного эпизода сериала: «Энди возвращает Нику булавку. Ник сообщает Коре, что теперь она свободна. Бетси угрожает Лоуренсу, что в случае их развода, имя Эшли появится во всех бульварных газетах страны. Кора репетирует роль секретарши Ника. Ник занят поисками пуговицы. В этот момент Соня сообщает Коре, что Энди убили, а сама она сидит в полицейском участке. Кора отправляется в полицию выручать подружку, но выходя из дома случайно подслушивает, как её брат рассказывает Лоре, что хочет изменить пол».

Гриша сжимает пульт, на горизонте экрана бежит по мандариновым кочкам точка, собирая звук. Большой палец заметался по кнопкам пульта.

Президент с громадной улыбкой трясёт руку, из-за спины послушными куклами кивают приближённые. Из яркой бутылки жёлтая жидкость летит в стакан во весь экран, где бурлит и пузырится от растворения неподвижности. Солдат упал, прокатился по земле, стал на колени, из двух автоматов в вытянутых руках открыл огонь, на пыльной деревенской улице задёргались и стали плавно валиться узкоглазые солдаты. За хрустальным столиком, в плетёном шезлонге, расположилась стройная женщина в вечернем эбонитовом платье, – мужчина в кремовом костюме проговаривает текст, простукивая пальцами узорный бокал с шампанским. Над изумрудным газоном, в бирюзовом небе, повис жемчужный вертолёт. За белыми клетками полетел вратарь, вытянув руки, но юркий мяч вонзился в угол, и сеть экрана запрыгала, заглотив жертву. «Сколько великолепных пословиц, – седой старичок взмахнул руками, – вдумай-

тес, рефлексивует целый народ, вникните в афористичность мысли, вслушайтесь в звучность слов: „А как худ князь, так и в грязь!“, – многим властителям следует помнить эти слова».

Несколько раз звонил телефон, но он угадывал, что не ему. Но однажды отец позвал Гришу. Цветов встал, на левую ногу напoлз тапочек, а в правый ступня не пролезала. Он шевелил пальцами, открывая вход в пещерку, затем швырнул его к стене, хромя подбежал к телефону. Неожиданно подумалось, что сегодня возвращается Кристина. Трубка забила в руках, выпрыгнула, ударила в пол, подтянулась на шнуре, и легла во влажную ладонь. Хрипнув, Гриша спросил: – Алло? – Привет, я ненадолго, у меня дела, – сказал Жора. – Чем занят? – Так, ничем, ужинал. – Понятно-о. Ты не помнишь, – весь долгий и неинтересный разговор Гриша не знал, о чём они разговаривают. Мимо прошла Лена, попрощалась перед сном, довольно улыбаясь правильным решениям уроков. Отец высунул голову, попросил освободить телефон. Гриша быстро попрощался. На кухне приготовил бутерброд, и вновь замелькали картинки, заговорили, запели совершенные в реализме лживые образы, и вновь Цветов, увлекаясь происходящим, оказался в состоянии покоя.

Он выключил телевизор, перебрoсился с отцом парой фраз о новостях спорта, запустил стиральную машину, посмотрелся в зеркало, выискивая волоски в отражении, вернулся на диван, включил телевизор.

Опять побежали кошки, пролился напиток, задымилась сигарета, блестящие зубы сломали печенье, отстиралось бельё под музыку, известную каждым тактом, каждым движением мелодии, точно отсчитанными мгновениями тишины, после которых, Гриша вместе с голосом, общей интонацией, проговорил заученные слова. Отвращение сморщило лицо в маску сатира, персонаж комедии масок, вечно плаксивый и брезгливый. Он погасил экран, отвернулся лицом в диван. В ушах ещё звучала ежедневная музыка, в сознании жили лживые картинки, обманывая лживой цепью следствий от причины товара, правдивые лишь зримостью вещи. Однообразие ежедневной программы утомляло. Но полежав, он вновь потянулся к пульту. И отдернул руку.

Цветов смотрел на серый экран в анабиозе, и ему было приятно, что он не принимает вид занятого человека, не притворяется, как Жора, но честно признаёт, что живёт скучно, уныло. Но мгновение гордости сменила тоскливая мысль, что у других жизнь полна событий; кто-то работает, кто-то уходит гулять, кто-то встречается с девушкой, кто-то путешествует, добивается любви, а его время проходит, силы бесцельно истощаются. Он переходит из комнаты в комнату, смотрит глупый телевизор.

Гриша не выдержал молчаливого соседства, спокойного сосуществования с его дремлющим экраном, жизни без его бормотания, поглощавшего избыточные силы, и убежал в комнату.

Лёг на кровать, головой прижал к стене подушку. Под боком, под рукой, чёрным жуком лёг магнитофон. Запела грустная песня, с которой можно сидеть, ни о чём не думать, задумчиво ударять себя кончиком карандаша в подбородок и шептать лучшие слова. Через мгновения тишины запрыгали быстрые звуки, от которых хотелось кричать, бежать, бросаться. Гриша медленно прокрутил колесо настройки, помехи густо заштриховали звук. Он очистил новую мелодию, но песню оборвал бодрый голос, сменился шипением помех, грохотом марша, частыми иностранными словами, побежали клавиши пианино, забубнили барабаны, приёмник захрипел, как перед смертью, – агония хвороста под ногами, – мелькнула длинная нота, женский голос, – Гриша вздрогнул, – и вернулась бессловесная музыка, забормотал женский голос, тихий, словно бессильный. Через минуту умерли последние печальные звуки, сменились разговором, и колесо настройки медленно покатилоь по мусору дальше, в поисках печали.

Глава седьмая

Будильник часто и отрывисто икал. Разбивая тёплое покрывало сна, ледяные капли били и били в голову, и он, прячась от невыносимого состояния, сел на кровати, голова закружилась, он прижал ладонями уши. Просыпаясь от холодного паркета под ступнями, побрёл в ванную комнату.

Холодный душ зашумел в тишине ванной, он зашипел, как раскалённая сковорода, не открывая глаз, повернул кран. В тело вонзился сноп острых струй. Он вскрикнул, выскочил из ледяного водопада, стал медленно поворачивать кран, осторожно подставляя брызгам кончики пальцев. Встал под тёплую воду, отвердевшее холодное тело мгновенно оттаяло и ослабло. Тёплый душ ласкал кожу, усыплял, он закрыл глаза, медленно возвращаясь в сон. Он стоял под тёплым душем, словно вновь лежал в кровати. Не глядя, взял щётку, капнул на колено зубной пастой, снял каплю голубой щетиной, стал медленно, словно усталый полотёр, елозить во рту, раскачиваясь головой в такт движениям. Наконец, поймав в рот струи воды и звучно прополоскав горло он проснулся, отключил душ, растёр воду полотенцем, подобрал в комнате халат, побрёл на кухню.

Он сварил в турке крепкий душистый кофе. С удовольствием отрезал белый хлеб, сжавшийся под ножом, и распрямившийся, как пружина, круглым кусочком. На душистом ноздреватом поле распластал мягкое масло, уложил, стараясь покрыть весь хлеб, ломти мяса алой рыбы. Посмотрел сверху, угадывая вкус, и сделал ещё бутерброд.

Он просунул руки в рукава чёрного пальто, подпрыгнул, снимая улов с крючка, – громко ударили толстые подошвы, – и подумал: «Лекция по математике. До чего скучно читает Розен!

Можно поехать в книжный магазин.

Растворились деньги в пиве.

Обязательно найду интересную книгу, в прошлый раз купил отличное исследование по древнерусской литературе.

Утром мало покупателей. Нет нужды грести в толпе плечами.

Вот он, кошмарный отдел, столь заманчивый красочными обложками картин, блестящими недоступной роскошью. Заросший травой пруд с подписью Polenov. На красном поле виноградников чёрный штамп Van Gog. Качаются волны моря. Утонула блестящая копеечка в объёмных облаках. Золотые главы собора в книге по древней архитектуре, – букет жёлтых одуванчиков.

Сладко пахнет между раздвинутых страниц, словно кожа, прохладны плотные листы.

Детский мир; на заснеженных блестящих холмах рождественские игрушки. Погуляю, замёрзну, вернусь домой работать.

Не был на этой улице. Вот такая улица в моём мире Москва. Не Кремль, Красная площадь, кучки туристов у червяка автобусов. Москва это переулки, улицы, где впереमेжку старинные дома разных стилей, церкви, подворотни, приземистые арки. Помню похожие улицы в других районах, а больше в книгах, картинах, фотографиях, гравюрах, в тех же дорогих альбомах. Лишние на узкой улице машины вдоль тротуаров. По-московски яркие вывески, витрины. Двухэтажный жёлтый дом; квадратные бордовые рамы, пёстрые занавески. Между шторами чёрная кошка с белым брюхом стоит на задних лапах, тянется к форточке, распахнутой на улицу. Узорные листья отслоившейся краски. На углу дома узкая, ржавая водосточная труба, так не похожа на широкие блестящие трубы новых домов. Из коричневых листов сшита железная крыша. Рёбрами чищеной рыбы швы.

Напротив свежеекрашенный в рассвет цвет особняк. Раскрыт розовый веер чердака, закрытый створками из наклонных дощечек, подчёркнутых тенями. Окна с тучным небом, это картины в гипсовых рамах, в белоснежной листве и винограде.

На пригорке, возвышаясь над крышами, церковь в дощатом макинтоше свежих лесов. Торчит на тонкой белой шее золотая главка с крестом, – ниже испанский воротник, на нём в пасмурном небе ссутулился оранжевый строитель, наклонив голову в чёрной кепочке, выбирает верёвку. Чугунная ограда между жёлтых столбиков, леденит ладонь ребристое древко копия.

Внизу, на фоне густого лилового неба, одиноко высится зелёная колокольня. А за ней, на шаге мелькнула, скрылась, снова появилась, мгновением волшебного мира, белая башенка. И плоский серый дом, в стекающем переулке, и терем через улицу, распухший, как искусанное пчёлами лицо, столбами, бочкой крыши, завитками, волнистыми навесами, необходимы здесь, вместе, на горбатой узкой улице.

В арочном своде маленькая русская икона. Внутри распахнуты свежие деревянные створы. В чёрной табличке вязнут буквы «Рождественский монастырь». Даже страшно переступить кирпичный порог. Старинные дома, горбатая улица, монастырь, собор. Белая стена, не может быть, чтобы древняя церковь, здесь, не может быть. Монахиня в чёрном перекошена вправо блестящим ведром. Она медленно уходит к кирпичному корпусу. Белоснежный собор, с одной главой, толстым барабаном, узкими прорезями, как бойницами, под салатовой чашей купола с позолоченным крестом. От барабана расходятся закомары в два ряда, словно полукруглые ступени. Реставрация не закончилась, храм обнесён синим, в рост человека дощатым забором в белых подтёках. Из-за забора не видны стены храма, но и так он могуч и даже властен. Большая белая птица в гнезде.

Во дворе монастыря тихо, слышно как по мокрой асфальтовой дорожке прошла женщина, за голубой, как небо летом, детской коляской. Обойти вдоль ограды церковь. Алтарь выстроен тремя башенками, будто древний мастер не решился провести единый алтарный полукруг, провёл сперва один, недоконченный, поставил точку, от неё ещё дальше от центра храма начертил самый большой выступ, и вернул линию к стене третьим полукругом. Слева маленькая луковичная главка придела, но пройти нельзя, вплотную к синему забору кирпичный дом.

Всегда знал, что в Москве найду что угодно: и костёл и мечеть, и скучный купеческий дом шестнадцатого века и вычурный дом купца двадцатого, китайский дом, синагогу, классические колонны, прямые линии и плоскости новой архитектуры, но *это* невероятно! Это же провинциальный приморский городок! Шум далёких машин шум волн. На юге зима. Холодное море с островками снега. Голые грядки под окнами. Вдоль дорожки оградка из острых дощечек, – перешагнёт ребёнок. Вокруг лысин клумб, тонут в чёрной земле белые кирпичи венца. Между искривлёнными стволами низких яблонь провисли мокрые верёвки. За голыми ветвями, в ряд четыре серых одноэтажных мазанки, с гладкими стенами.

В мазанке четыре окошка, посредине бурая дверь в двух каменных ступенях. Над входом голая лампочка без юбки абажура – прозрачная капля на кованом серпе. Над крышей покоился деревянный крест антенны. Со ржавого карниза виснут по стене сухие кружева виноград. Сквозь обнажённое окно видна спинка железной кровати, в углу светится экран телевизора. На белом подоконнике стеклянная банка с зелёным дном и пояском высохшей воды. В окне рядом красная чашка с блестящей ложкой, у стекла стопка книг. В просветы, за домиками виден яблоневоый сад, за ним кирпичная стенка. У бурых кирпичей гниёт, липкая куча листвы и травы, словно тёмная медуза. Это Азов, Евпатория, Ялта, не Москва! Запомнить, всё запомнить, и белую церковь и приморский переулок в центре столицы. Этого не может быть, но есть!

Закончился длинный красный дом, закончились мазанки напротив. По дорожке вниз, между голубым дощатым забором, за которым гордая каменная птица, и красным корпусом, куда ведёт тёмная лестница в тёмном подъезде. Через арочный вход на улицу, вниз, к бульвару.

Чудесная торжественная церковь. Чувствуешь от здания уверенную высоту души. А квартал южного городка в Москве, словно побывал в детстве, на море, у бабушки.

Великолепно спускаться вниз по бульвару. Чувствовать мокрую песчаную дорожку, смотреть под ноги, как появляются, исчезают, появляются, исчезают чёрные ботинки, подлетают чёрные полы пальто. Обугленные сыростью деревья на бульваре. Начинается дождь. Печально, но хорошо.

Чувствую себя каплей на стекле. Через мгновение она исчезнет. Как исчезну я, не оставив следа. От этого и хорошо и грустно. Просто удобно сидеть в кресле пустого троллейбуса, ощущать ногами дрожащий пол, смотреть, как по стеклу стекают капли, мокнут под густым дождём медленные машины, люди под зонтами, скрюченные деревья».

Глава восьмая

«Мы должны понять, откуда, так сказать, растут ноги в плане мировоззрения. Почему именно в этих обществах ислам сел на благодатную, в кавычках, почву, а также почему в настоящий момент столь успешно идут процессы возрождения исламской идеологии. Обратите важное внимание на строение общественного строя. Не хочу, чтоб вы занимались отвлечённой философией, потому к семинару рассмотреть следующие вопросы. Скоро экзамен, а ещё не начинал готовиться. Иван уехал на работу и правильно сделал. Я же живу за счёт родителей, потому должен сидеть на лекции. Группы, явившиеся формированием местных элит в вышеуказанных государствах. Вопрос второй будет влияние мировоззрений вышеупомянутых местных элит в вышеуказанных государствах на политику вышеназванных данных государств. Все свободны. Наконец-то! Жора, он услышал. Пусть слышит, может быть, я опаздываю! Мы подождём вас на улице. Хорошо. Курить здоровью вредить! Спасибо, Жорик.

Завтра Кристина расскажет, как ей понравился Ландн. Что нам этот Ландан, мы собираемся или нет зимой в Псков? Мы с Леной поедem с удовольствием. Цветов, как ты? Поеду, если будут деньги. Вы едете? Мы ещё не решили. Что Иван? Отец покупает ему машину, наверно придётся обкатывать, но он мечтает поехать. А Черкасс? Черкасс собирается, причём с ним поедет его сокурсник Миша. Он лучше бы девушку свою взял. Они больше не встречаются. А почему? Так случилось. По-нят-нооо. Лена, ты с Кристиной не говорила? Она хотела бы поехать. Почти все собираются. Кристина поедет, Саша, хотя, без меня может и не поехать, а я не знаю, будут ли деньги. Хотелось бы сейчас устроиться на работу, но никак не могу найти, да скоро сессия, сдавать экзамены, – не будет финансового обеспечения, таким образом, буду вынужден просить у отца. Жора подгоняет слова взмахами рук. Точная фраза, надо её запомнить. Какая-то красота в моём языке есть. Псков один из древнейших городов на северо-западе России. Я, конечно, немного изучил всё, – там отличная каменная крепость, называется Кром. Множество древних церквей, есть даже двенадцатого века. Город должен быть роскошным. Удивительно, что ты не выяснил, какая там водка. Лёша, я всё выяснил, водка превосходная. В сотый раз слышу, но снова забавен его безапелляционный тон, прокурор выступает обвинительно. Кристина наверняка поедет, если поедет Лена. Цветов погрузился в размышления. Просто считаю, когда лучше отъезжать. На следующий день после последнего экзамена, чтобы отпраздновать окончание сессии. Отлично, Катя! В дорогое отпразднуем и начало путешествия, и окончание занятий. И будем праздновать до весенних экзаменов. Иван будет привозить нам из Москвы продукты. Ты думаешь, в Пскове нет магазинов? Мы их опустошим набегами. Жора, хорошо бы ты узнал, сколько стоит гостинца в Пскове. Гриша, я не думаю что дорого. Нет, Лёша, Гриша прав, надо знать заранее, из каких сумм исходить, и сколько дней мы пробудем, надо заранее купить билеты в Москву. Катюха права, пусть она и узнаёт. Я девушка, узнавать должен мужчина. Надо распределить обязанности, кто узнаёт о билетах, кто о гостинице, решить, какие продукты взять в дорогу. Лена, какую палатку захватить, посчитать спички в коробке, чтобы всем хватило. Проснулся, моя радость. К вашим услугам, миледи. Гриша, ты узнаёшь расписание поездов, я о гостиницах. Ты же мне сама всю ночь не давала спать. Ты не был против. Цветов? Что? Да, хорошо, я гостиницы, ты поезда. Сегодня мы опять не выспимся. Как всегда когда вместе. Цветов, я – гостиницы, а ты – расписание поездов, понятно? Хорошо. Всё, пока, до свидания, пока, Иван завтра придёт? Да. Пока. До завтра. Счастливо. Лёша, принеси мне посмотреть «Энциклопедию жизней». Она у Лены. Гриша, сегодня посмотрю и принесу. Не спеши, мне не срочно. Пока. До завтра. Счастливо.

Она смотрит, словно мы клоуны, прощаемся на арене, для её снисходительной улыбки. Просто неприлично, смотреть в человека и улыбаться. Лучше подумаю о Пскове. Конечно, могу тешить себя надеждой заработать деньги, но придётся просить у родителей. Отец не отка-

жет, но это так неприятно. В конце концов он платит за меня в институте, содержит, и ещё оплачивает развлечения. Нужно уже сейчас искать хоть какую работу, чтобы к окончанию института иметь опыт. Невозможно высидеть ещё две остановки. Если мы поедем дней на пять, то это будет довольно дорого. Хорошо бы зарабатывать, содержать себя, самому платить за образование, и напротив, часть денег отдавать домой. Мечты, мечты, ни на чём не основанные. Почитать «Дворянское гнездо»? Не чем занять себя.

Лёша поехал к Лене, проведут вместе прекрасный вечер. Кристина сегодня не пришла, но её знаю, она соскучилась и завтра появится обязательно.

Невозможно тоскливо сидеть в вагоне. Невозможно думать, мысли нейдут в голову. Невозможно высидеть эти двадцать минут; хочется встать, выйти из вагона, идти, говорить, смеяться, а вынужден сидеть, молчать. Невозможно пережить эти минуты, наполненные тоской, которую, кажется, не прожить, и которая заслоняет всё: цели жизни, любовь, ненависть, совершенно всё, словно и нет ничего, кроме тоски. Невозможно.

Тупо смотрю в темноту, мелькающую лампами. Удивительно, стараюсь не терять время, читаю в метро, дома занимаюсь, на скучных лекциях просматриваю конспекты, просыпаясь утром, заставляю мозг работать, а потом тупо смотрю в окно. Абсурд, – спешу, собираю минуты, а потом совершенно ничего не делаю часы. Симпатичная женщина. Наверное замужем. Скорее всего. Удивительно, везде, в троллейбусе, метро, библиотеке, пригородной электричке, музее, везде найдёшь красивую женщину. Не нравится, что смотрит так, да и совсем не нравится. Каламбурчик сказал бы Черкасс. Да, надо позвонить Ивану. Потом позвоню. Соберёмся ли мы в Псков? Наконец-то выходить. Вечером нужно работать, или готовиться к экзамену. На ночь почитать «Дворянское гнездо». После «Дворянского гнезда» купить книгу о Пскове. Отец, наверное, ещё не приехал. Расскажу ему о Пскове, даст ли он принципиальное согласие оплатить поездку?

Мысли появляются, крутятся, в водовороте сменяют одна другую, на время исчезают, описывают круг, снова появляются, пока, наконец, не тонут.

Мама приготовит ужин, придёт отец, обсудим поездку, посмотрю телевизор, похожу по квартире... Нет, сегодня надо работать! Сколько дней без настоящей работы, единственно важной для меня.

Проголодался. Приду, поужинаю. Сегодня не пришла Кристина. Надо готовиться к экзамену, во вторник экзамен. Спросят как в институте, отвечу, всё как обычно. Утёнок расскажет про Машу Соколову, как сидят за партой с Остапчуком. Темнеет, когда приду, будет совсем темно. Отец тоже спросит как в институте, а я отвечу хорошо. Во дворе ничего не меняется – лужи, дома, собаки, редкие прохожие. На стенах надписи, выученные наизусть: «Семён, мы тебя любим», «Крематорий»... Соседка поинтересуется, как поживаю. А если отвечу, что я лентяй и бездельник, что меня бесят одни и те же маршруты и вопросы? Добавит, ничего-ничего, всё будет хорошо, и позже будет спрашивать, снова «Гриша, как дела», но уже с опаской, боясь услышать откровенный ответ. Стану бродить по квартире, смотреть телевизор, ждать телефонного звонка, звонить, разговаривать с сестрой, наконец, пойду спать, сказав ежевечернее «Спокойной ночи», как монахи молитву на ночь.

Окно моей комнаты. Там раньше всегда горел свет, дедушка читал газеты, пил чай, но сейчас окно чернеет пустотой, окружённое светом чужой жизни.

Приду, мама спросит, начал ли я готовиться к экзамену. Утёнок чем-нибудь поделится. Надо просмотреть её тетради. Наверно опять не будет времени по-настоящему работать. Нельзя терять время, хотя бы на ночь почитать Тургенева. Здравствуй, сегодня пораньше? Да! Гриша! Привет Утёнок. Пойдём, я тебе кое-что покажу. Дай ему раздеться. Наверно, мама опять подарила что-нибудь? Ты будешь сейчас есть, или подождёшь отца? А я уже поела. А когда он придёт? Обещал через часа полтора. Я бы поужинал. А, ты красавица, уже набила пузико? Вот будешь толстая, некрасивая, и мальчики не будут с тобой дружить. Будут.

Не будут. Будут. Подожди, вымою руки и сейчас приду. Пойдём твоими ногами? Пойдём. Пум, пум, пум, толкай дверку, – пум, пум, ну, показывай. Красота. Ещё один динозаврик. Сколько уже в коллекции? Тринадцать. Красивый, этот мне нравится больше всех. Правда? Да. А мне всё равно Ванюшка больше нравится. С хвостиком над головой? Да. Пойдём, мама зовёт. Отвези меня. Ножки устали? Знаешь как долго мы с мамой искали динозаврика? Представляю. Хорошо, садись. Вскарabкалась уже? Да, мы едем. Утёнок устал, когда выбирали динозаврика. Всё, слезай с брата, дай ему поесть. Я тоже хочу с ним покушать. Ты же недавно ела. Всё рано хочу. Лопнешь. Нет. У нас сегодня торт, как приятно, но видно, что мышки уже поели. Мы с мамой совсем чуть-чуть съели. Ты сегодня утром ничего не заметил? Нет, а что? Утром, когда с Леной шли в школу, между лестничных пролётов спал человек. Нищий? Да, бездомный. Не видел. Может быть, он больше не появится. Будем надеяться, ты отцу не говорила? Нет, ты же знаешь, как он отреагирует. Знаю. Ты чай попила? Пойдём, покажешь мне дневник. Я хочу с Гришей. Потом придёт папа, мне будет некогда, пошли. Иди, я к тебе приду. Развелось бездомных. Говорю о них, словно о противных насекомых, так же нельзя, это люди. А как же Утёнок, или девочки, которые к ней приходят? Может быть, он не появится больше, мама правильно не сказала отцу. Незачем говорить сейчас, ещё не известно, сколько будет стоить путешествие, уточним все условия, затем уже будем вести предметный разговор об известных фактах, а не гипотезах.

Когда поем, наступает странное состояние, – уже нет сил работать, но спать не хочу – нет желаний, но в то же время, нечем занять себя, и становится скучно. Не могу заставить себя прочитать несколько страниц, но должен что-то делать, – выискиваю интересные программы в программе телевидения, бреюсь, укладываю тетради, листаю страницы учебников, лишь бы время осталось в моей жизни.

Раньше я бы поговорил с бабушкой.

Пойти записать, как Жора подгонял руками слова, – красивое предложение. Сначала к Ленке. Пятёрка в клетке. О, Утёнок, неужели ты получила пятёрку по английскому? Нам с Машей за диалог поставили по пятёрке, а мне сказали, что моё произношение лучше стало. Значит, в выходные устраю тебе ещё один урок. А ты готов к экзамену? Готовлюсь понемногу. Как прошёл день в институте? Ничего нового лекции, семинар, домашнее задание по политологии. Сложное? Нет. Уж час в субботу найду, чтобы позаниматься с ней. А Мише... – Остап-чуку? – ну да, ему, Клавдия Ивановна на математике сказала, что если он не научится решать задачи, то не сможет дальше учиться. Ну а ты, конечно, решаешь их прекрасно. Я их сразу поняла. Хвастаешься! Мама, почему же хвастаюсь, я ведь правду говорю. Правду, правду. Молодец. Если бы Утёнок не ленился, под твоим руководством, мама, учился бы на одни пятёрки.

Мам, послушай, у меня закончились финансы, завтра, наверно долго в институте, надо покушать, и ещё понимаешь, может быть, в книжный магазин думаю поехать, может быть какие-нибудь учебники... Сейчас я дам. Когда же перестану кланчить деньги? Мама никак не меняет выражения лица, и денег даст больше чем нужно, но раздражает именно внимание к моим чувствам. Я хорошо учусь, поэтому не работаю, почему же чувство вины? Спасибо. Хватит? Да, конечно, спасибо.

Стыдно так, что даже не понял, сколько денег. Надо искать работу, рассылать резюме, спрашивать у знакомых. Хочется покупать домой продукты, Утёнку подарки, не просить деньги на нужды, подарить маме на день рождения что-то действительно ценное для неё. Хочу не думать над каждой копеечкой, – волнует не удобная роскошь денег, а чувство зависимости.

Странно думать, что это комната бабушки, а его уже нет.

Он чувствовал: что-то было в Лизе, куда он проникнуть не мог. В другой раз Лаврецкий, сидя в гостиной и слушая вкрадчивые, но тяжёлые разглагольствования Гедеоновского, внезапно, сам не зная почему, оборотился и уловил глубокий, внимательный, вопросительный

взгляд в глазах Лизы... Он был устремлён на него, этот загадочный взгляд. Лаврецкий целую ночь потом о нём думал. Он любил не как мальчик, не к лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувство возбуждала; но любовь на всякий возраст имеет свои страдания, – и он испытал их вполне.

Лаврецкий, Лиза, – красиво, по-старорусски звучит. И старичок Лемм, – есть нечто изначально печальное в его образе. Тургенев сочиняет очень мастерски. Саша говорит, что у Тургенева мало мыслей и чувств на страницу, а Тургенев замечательный, но довольно обычный человек, и пишет часто скучно. Сашу развлекают, как он говорит, «тургеньевские словечки», которые нарушают текст, с его точки зрения, но придают ему очарование неуклюжести. Он говорил: «глубь лазури», «человек со сладкими глазами», «высокого роста, черномазый» – будто он негр, и смеялся, или «голоса возвысились», – возвысились над толпой плебеев, «всё в нём дышало». Может быть, в некотором роде, действительно, «порядочно убранная комната» ничего не значит, но «глубь лазури», «разговор разыгрывался», «голоса возвысились», – с моей субъективной точки зрения, имеет красоту. Лично я наблюдаю красоту. В принципе Саша не спорит, но его равнодушное согласие означает другое мнение».

Глава девятая

Над головой кружилась стая ворон, картаво каркая.

Несколько капель пробило волосы, укололо кожу головы, он передёрнул плечами. Стало зябко, словно по спине скользнула льдинка.

Или он коснулся остывших рук.

Гриша раскрыл зонт.

Из кармана расцвела траурная роза пары перчаток. Стрелки шагов отстукивали секунды, всхлипывали в лужах. В зонт глухими мгновениями стучались частые капли. В водосточной трубе, убивая звук шагов, грохотал водопад.

Выйдя из двора, он пошёл по мокрому асфальту, вдоль моделей озёр. Постепенно звуки времени вобрал в себя, словно губка, привычный шум машин на мокром проспекте. Поднимаясь навстречу проспекту, Цветов рассматривал, как из-за серого дома выскакивала легковая машина, бесшумная в гуле дороги, в две секунды пронзала пустоту улицы, и скрывалась за жёлтой кулисой. За колёсами летела роем серебряных мух водяная пыль, машина исчезала, облачко рассыпалось, и вновь поднималось, бурлило брызгами у чёрных шин пеной у носа лодки.

Разрывая словно ткань ровный шум осеннего проспекта, пустоту улицы разрезает трёхосный самосвал. Из-под резиновых блестящих покрышек взвивается вода с дороги; серебряные облачка кружатся между угольными колёсами и жёлтым кузовом в родинках грязи. Постепенно грохот, по ступеням спускается к тишине, поднимается, как рокот прибоя, ровный шум. Пронесются красные, белые, голубые легковые машины, оставляя опадающую стенку нового дождя. Капли, не успев осесть, вновь неслышно взмывают вверх.

Пот смазывает кожу. В потном метро поезда заполнены пассажирами. На людях в вагонах сохнет сырая одежда, слишком жаркая в тесной толпе. Тела покрываются испариной, на лицах выступают капли, на которые в тесноте не поднять руку. Капли раздражающе медленно стекают по лицу, оставляя мокрые дорожки слёз. С пробитых дождём сумок, зонтов, плащей испаряется влага, воздух становится мутным: люди, как рыбы, раскрывают рты в потолок, глотая свежий воздух. На остановках выходят редкие пассажиры, заходят мокрые толпы, касаются чужих лиц холодными руками, прижимают сумки, зонты, – сквозь одежду чужая сырость впитывается в тело.

Мчится стена облицованная плиткой. Как солнце в море, рябит в глазах. Скорость уменьшается, из ряби мелькают медные пятиконечные звёзды.

На остановке Гриша выскользнул из вагона, выдернув рюкзак, схваченный цепкими щупальцами тел. Сел на скамью белого мрамора, на остывший труп, в синей паутине вен. Гриша ждал Семёна с друзьями. Они вернули тетрадь, что собирались прочитать вместо пропущенных лекций, отказались ехать в институт, рассказали, как вчера оторвались на пять баллов, забурились в три кабака за ночь, тусанули с клёвыми девчонками, дали бабла менту, что тормознул тачку, с бухим Гургенем за рулём. Гриша, стесняясь молчать, задал два вопроса, выслушал, попрощался, объяснив, как спешит.

Через несколько остановок занавесы тел раскрыли перед Гришей девушку с белыми градинами в розовых мочках. На сумке пальцы с чёрными ногтями распяли на обложке книгу. Цветов осторожно, скрывая взгляд от соседей, посмотрел на рот, прошептавший слова, розовое пальто, прозрачный серый шарф на шее, словно туманное кольцо, чёрные ботинки, синие джинсы. Он улыбнулся зелёному свитеру, куда словно звёзды, упали три расшитых ромашки, и вдруг увидел насмешливый взгляд, устремлённый на него. Она улыбнулась ему, а Гриша, не ожидая от себя, улыбнулся ей. Она встала перед ним, глядя в глаза, он посторонился, она вышла на платформу, и сквозь стекло уже снисходительно улыбнулась. Он обозвал себя

дураком, застыдился, словно был пойман в подлом поступке. Цветов почувствовал, как люди в вагоне смотрели. Он захотел скрыться от них, словно они узнали о нём нечто тайное. Неожиданно, не заметив как, он плюхнулся на её место, и зажмурил морщинками кожи глаза, как съел лимон.

На улице после дождя засветилось солнце. Солнце поднималось всё выше, выше, но казалось, оно карабкается обречённо, из последних сил и вот-вот скатится вниз, как слеза. И пока Гриша шёл, небо вновь укрылось тучами, словно натянули саван на труп. Внезапно полил ливень, словно разрыдался. Цветов пошёл быстрее, как гвозди в крышку гроба, вбивая каблуки.

На чёрном проводе, как прищепки на бельеовой верёвке, раскачивались два ворона.

Глава десятая

Из полукруга спин раздавался хохот, белая широкая спина Жоры с золотой надписью «Москва центр Мира», покачиваясь, медленно сдвигалась влево. Появлялись пряди платиновых волос, длинные лучи пальцев у виска, мизинец с пурпурным ногтем у розовой щеки, высокий лоб, вздрогнули угольные ресницы, раскрылись шире карие глаза – они узнали, улыбнулись, смеющийся рот с ровными жемчужными зубками сомкнулся, мягко улыбнулся тонкими тёмно-красными губами, проговорил, бережно раскрывая улыбкой слова: «Смотрите, Гриша пришёл».

Жора закричал что-то приветственное, рассказывая, что Кристина приехала. Гриша смотрел, как она ему улыбается. Он стал улыбаться ей, неумело проговаривая приветственные слова непослушным ртом, замороженным улыбкой. Гриша спросил, насколько приятным было состоявшееся путешествие в Великобританию. Все засмеялись, от непонятной радости и официальности его предложения. Жора спросил, подготовил ли он неожиданные вопросы на английском для Кристины, Пышка сказала, что теперь лучшим «англичанином» для Дэвида станет Кристина с её знанием и чисто английским произношением. Иван парировал, что Кристина была и останется для Дэвида лучшей «англичанкой» в группе. Цветов улыбался. Он видел смеющиеся, опушённые ресницами карие глаза, добрый взгляд Лены, рабски сторбленный мизинец Ивана, что прочищал ложбинку под носом, хохочущее над Жорой лицо Алексея, Катю, (она лежала на вытянутой руке, надкусив губу, набухшую спелой земляникой в левом уголке рта), скучающий взгляд Пышки, влажный рот Жоржа, его растопыренные в азарте разговора глаза, алые щёки, как отвечали тонкие красные губы, – и не успев ещё попасть в разговор, словно ныряльщик в полёте, уже взлетев с доски, но не погрузившись в воду, Гриша на мгновение почувствовал с благодарностью, как его здесь любят.

В класс с бодрым «добрый день» ворвался учитель. Пролетели две ступни в коричневых ботинках, крупных и лоснящихся, блестящих кремом, остановились рядом в клетке линолеума, вперёд выпрыгнули ножками жеребёнка два железных костыля, и подтянули тело. В несколько гребков крепыш добрался до стола, кивая сказал, счастливо улыбаясь «садитесь, садитесь», таким голосом, словно напоминал, как неуместен формализм этикета между друзьями. «Нус, (мы помним, по-гречески разум!) сегодня, специально для вас, заготовил непрекраснейшую, великолепнейшую тему «Личность и Общество», – сказал, словно объявил о десерте на детском празднике. Загремел костылями, устраивая их с краю, по грудь погрузился за кафедру стола. «Ага, Кристина появилась, давно мы тебя не видели».

«Её не было в Москве».

«Знаю, Жора, знаю, но обучение в институте подразумевает *обязательное, обязательное* посещение лекций и семинаров, если, конечно, мы вообще стремимся к достойному результату. Однако, не станем отвлекаться на всякие мелочи. Нас ждёт искромётность, звездопад человеческой мысли! Сегодня, в завершение этих нищенских, отведённых на пиршество ума часов, мы увидим небо в алмазах, – он приподнялся на левой руке, затем опять опустился, быстрыми движениями ладони, словно смахивал с головы крошки, сбросил волнение с волос, посеребрённых у корней, цвета дорогого коричневого гранита, который идёт на памятники. «Сосредоточились», – сказал он уже совсем другим голосом, где требовательность железный прут в ещё жидком цементе, чтоб застыть вековым железобетоном, – «глубоко вздохнули, наполнили мозг кислородом...». Гриша надел очки, посмотрел на учителя, – взмах руки отправил в окно очередную мысль, – Цветов улыбнулся, глаза потекли вниз и застыли, – под урезом стола, вместо ног, он будто в первые увидел два костыля, обутое в чёрные резиновые стаканчики, и впервые почувствовал, прожив в соседстве со своим учителем почти два года, что этот человек всю свою жизнь прожил с застывшими ногами, и никогда ещё, ни одного раза

за свою долгую жизнь, он не пробежал, не прыгнул, не ударил по мячу, не барахтал ногами в воде. Сзади засмеялись, – он обернулся, – Лена и Кристина, отвернулись друг от друга, зажали рты руками, но в ладонях бился живучий смех. Они взглянули на него, друг на друга, Кристина пробормотала в книгу ладоней, закрывшую лицо, и искорки смеха вспыхнули, зашипели, словно попали на влажное дерево, смех громко захрустел и Гриша отвернулся. От доски учитель смотрел на него яростным взглядом. Учитель отвернулся, и перечеркнул символ бесконечности, змею, пожирающую свой хвост.

«Несмотря на недостойное поведение некоторых господ, мы продолжим. Напомню, мы уже определили границы рассматриваемой темы: личность – не всякий человек, но способный быть ей, выстроить относительно самостоятельную пирамиду приоритетов, и – это принципиальная позиция, – его рука с указательным пальцем ударила вниз, словно добила кого-то на полу, поверженного, – это человек, осознающий себя как личность; общество – совокупность человек, именно так и запишите, человек, – он в два скачка добрался до стола, повернулся к слушателям, – и личностей, но объединённых общими целями, определёнными, в свою очередь, общим прошлым. Определения эскизные, но существенные, тщательно разработанные, но менее ценимые в Лакедемоне, надеюсь, сохранились в ваших конспектах. И главный вопрос личности, этим же (или другим) обществом сформированной, – это не важно, – он подчеркнул наполненный смыслом воздух перед собой, – его личная свобода и общество. Идеальный вариант, он же, соответственно, нереальный или уникальный, – интересы личности и общества совпадают.

Чтоб зажить счастливо, нужно подчиниться обществу и меняться с ним. Но если есть цель, а у личности она неизбежна, то неизбежна дисгармония, неизбежно мучительная, но уникальная, уникальностью драгоценная.

Цель каждой личности, – в воплощении её желаний. Но не таких желаний, как лежать на кровати и плевать в потолок, – учитель пригладил седые у виска волосы, гладкие, как у литой серебряной статуи, – цель личности в воплощении творческого желания, и это не значит, что воплощение будет удобным. Что толкало Фридриха Ницше, известного филолога, которого ожидала блестящая карьера и достаток, бросить всё и писать книги, за которые его только поносили? – Желание творчества в согласии с собой.

Во что это вылилось? – В ежедневный умственный и физический труд.

Чем завершилось? – Умопомрачением.

Но Ницше сделал свой выбор, – в согласии с собственным я. Нам не дано знать, наше предрасположение к чему-либо, – замысел Творца, или личность – творец замысла, – но воплощайте своё творческое начало. Это тяжкий труд, как труд быть личностью, труд не только умственный, но и духовный. И возможность состояться, воплотиться, развиваться ввысь и вширь, – он взмахнул правой рукой к окну, – определяется не в момент рокового решения, определяющего рок – вашу судьбу, – она определяется всей вашей прожитой предыдущей жизнью, и вашей силой, – силой превозмочь себя, снова и снова, ради эфемерного «ничто», к воплощению которого вы стремитесь, я верю, друзья мои, стремитесь, – вопреки всему.

Записывайте. Именно вопрос взаимных отношений личности и общества является для личности главным, потому что только в обществе личность может реализовать своё творческое начало. Чем обширнее личность, тем сильнее её творческое начало, тем сложнее оно в воплощении, потому что личность растёт, воплощая свой же замысел. Стремитесь к великому, на пути приобретёте малое. Это можно и не записывать, но хорошо бы запомнить.

Следующий подпункт, у меня он второй. Пишите. Субъективность, как препятствие. Здесь у нас речь пойдёт, в первую очередь об опасности ошибочных оценок себя и общества. Бывает человек, а меряет себя личностью, причём, личностью выдающейся. Реже случается наоборот, но последний случай гораздо хуже».

Цветов аккуратно записывал слова учителя, приподнимал заголовки красным, раскачивал на волне мысли, подчёркнутые интонацией, называл избранные про себя темы, про себя проваривал предложения, молча предлагал избранным учителем вопросам ответы, чтобы на досуге перечитать пёстрый, как куча осенней листвы, текст, озарённый памятным впечатлением.

Из красной ручки вытекла вся кровь, она перестала писать и умерла.

«Именно вы, юристы и экономисты, в меньшей степени политологи, будете определять жизнь страны через двадцать-двадцать пять лет. Именно от ваших знаний, от вашей порядочности, от решений вашей личности будет зависеть будущее этой страны, – потому помните, что каждый ваш поступок сегодня, *особенно* сегодня, формирует будущее страны завтра».

Глава одиннадцатая

Наступил холодный вечер, словно большое тело умерло и остыло.

Кристина с Гришей чуть отстали, она рассказывала, как ей понравился Лондон, но что самое сильное впечатление произвела доброжелательность людей, и здесь, в Москве, она чувствует себя неуютно. Они помолчали, она спросила о Саше. Он передал от него привет, сказал, что недавно встречались. Она спросила, собирается ли Саша в Псков. Гриша ответил, что пока не говорил с ним, но он наверняка поедет. Кристина сказала, что давно не виделись, было бы интересно пообщаться и до поездки. Оглянувшись Жора, остановился, подождал, когда они дойдут до него, сказал, что с Кристиной интереснее, чем впереди. Втроём они пошли молча, и тогда Гриша, чтоб скрыть неловкость прерванной беседы, спросил, понравился ли ей Тауэр. Оказалось, что наиболее сильное впечатление произвела крепость в Эдинбурге, и Шотландия в целом, – её замки, холмы, равнины, вид на море. Гриша оценил, улыбнувшись, пейзаж как романтический. Жора вошёл между ними, обнял за плечи, и объяснил, что настоящую крепость они увидят в Пскове, а все эдинбурги, тауэры, дувры, корнуоллы яйца выеденного не стоят. Кристина и Гриша улыбнулись друг другу. Она мягко освободилась от руки на плече, с плеча Цветова Жорж убрал руку сам.

В вагоне метро разговор вновь вобрал в себя всех, и Катя, непривычно много молчавшая в день Кристины, увлекательно рассказывала о впечатлениях её отца от Пскова, особенно Псково-Печёрского монастыря, от пещер, полных священных захоронений, подземных храмов.

Пышка сказала, что скоро будет сдавать на права, и узнала у Ивана, где он учился водить. Кристина спросила у Гриши, отчего он не хочет получить права, ведь у его отца есть машина. Он сморщил лицо, подняв на складках кожи очки к бровям, словно его и дома спрашивали, и здесь все спрашивают, ответил, что скучен и обременителен, а главное, совершенно не нужен, автомобиль. Жора весело крикнул, что до автомобиля Цветову далеко, ему хотя бы часы приобрести. Гриша улыбнулся и ответил, что часы тикают дома, а на руке только стягивают наручниками кисть и лишают свободы. Счастливые часов не наблюдают, несчастные от них зависят, ответил он с улыбкой Жоре.

Когда они расстались, Гриша думал о том, как хорошо, что приехала Кристина, как она хорошо выглядит, что действительно надо готовиться к экзамену, но когда эти мысли растворились во времени, он ощутил, что все покинули его. Цветов понимал, что на следующей неделе вновь увидит всех, но чувством без этих людей, некоторые из которых не были даже близки ему, напротив, вызывали раздражение и даже неприязнь, была тоска.

Будто ночью в зимнем поле выла собака.

Вновь, как всегда, он стоял в толпе голодный, с пустой головой, и чувствовал какую-то непонятную тоску. Лицо сморщила мысль о привычном возвращении домой. Хотелось как-то изменить вечер. Хотелось кого-нибудь неожиданно встретить. Или вдруг очутиться в баре или на дискотеке. Или путешествовать с красавицей. Или прийти домой, услышать приглашение на интересную работу, а потом поехать в Лондон в командировку.

Так он думал, ступая крохотными шажками в тесной толпе к эскалатору, сжатый человеческими телами в единую живую массу, что непреодолимо сомкнулись перед ним и медленно выстраивались очередью наверх.

Сквозь его скучный внешний вид изнутри пробивалось счастливое крикнуть, взбежать по ступеням, расхохотаться, взлететь над толпой и вырваться на свободу! Но он с сонным видом, семенил по ступеням за спинами.

Дома повторился вчерашний день. За столом Цветов молчал, слушал семью, вращал вилку, обматывая зубы пшеничными нитями, с которых капало в тарелку горячее масло.

После ужина смотрел как актёр, ставший до безумия популярным, и в роли футболиста добивался успеха: покорения врага, женщины, спортивного Олимпа. Ловко катил мяч, лавируя между соперниками, приближался к воротам. Чёрная бутца врезалась в бело-чёрный мяч, заполнивший экран. Как подстреленная птица, упал вратарь, как ядро из пращи вонзился в сетку шар такси. И вот уже с экранного неба валятся цветы, из гамака сплетённых рук обожателей, он подлетает навстречу лазури. Гриша думал о глупости фильма, но смотрел с удовольствием, смеялся шуткам, сочувствовал неудачам, мечтал об актрисе. После программы новостей, он ушёл в свою комнату. Коснулся пальцами стола, – взлетел мотылёк пыли. Напротив его лица, в деревянной рамочке висел фотографический портрет его деда в тёмно-зелёной форме с золотыми погонами.

Поздней осенью, по грязной воде канала лупит холодный дождь, тает, растворяется в слезах серая стена и стынет на пронзительном ветру тело обнажённого человека.

Не зная, чем занять себя, он сдёрнул покрывало, взбил подушку, включил радио, походил по комнате, подошёл к столу, собрал тетрадь, учебник, книжечки законов в стопку в центре стола, рядом положил ручку. Во дворе засмеялись. Он подошёл к подоконнику, долго смотрел сквозь стекло. Ничего не было видно, но он вглядывался в темноту и пустой световой круг под фонарём, затем вернулся в гостиную. Утёнок плакал, не хотел спать, жался к папе, папа улыбался и говорил, чтоб она не капризничала, мама стояла перед диваном и говорила, что повторяет в последний раз. Лена взглянула на брата заплаканными глазами, он развёл в стороны руки и пожал плечами.

На кухне Гриша по дедовскому рецепту на ломоть хлеба бросил несколько капель душистого подсолнечного масла, размазал мизинцем по чёрной губке, посыпал солью.

В комнате завалился на кровать, сбросил тапочки, один из которых пируэтом упал на стол. На радиоволне визжали, выиграв два билета в клуб, и ему подумалось, что там, в ночи, горят огни, у людей интересная жизнь, свидания, вечеринки, танцы, увлекательные путешествия, а он сидит дома день за днём. И всегда ласковая мысль, что у него своя судьба, и особое предназначение, сейчас вызвала лишь раздражение.

Цветов встал, минуту почитал к экзамену, нависнув на упорах рук над тетрадью, но поражённый знанием поморщился и рухнул на мягкую кровать. Гриша полежал, рассматривая двустворчатое окно на тёмном потолке, оборвал радио на словах «где-то в ночи, бродишь одна, моя любимая».

Цветов раскрыл над собой роман Тургенева, и книга, как птица, укрыла голову крылами, спрятала от однообразных дней, одиночной комнаты, пыльного стола.

Он начал с 33 главы, со спора Лаврецкого с Паншиным, и не останавливаясь, дочёл «Дворянское Гнездо» до конца. Он читал быстро, но внимательно, а когда закончил, ему стало так обидно от безысходности для прекрасных людей, от несправедливости их судьбы, и в то же время так нежно, что он заплакал.

Глава двенадцатая

А уже утром Цветов бодро и непривычно вышагивал по дороге. Обычно он ходил быстро, твёрдо ставя ступню, сутуля плечи. Сейчас же словно поднимался в гору; наклонив тело, вытянув голову, как гончая. Он с силой отталкивался от асфальта, словно рвался не только вперёд, но и вверх. Он улыбался, было приятно ощущать движение тела, и у него, как в детстве, появилось чувство полёта, когда он с силой отрывался от асфальта, а порыв встречного ветра почти сбивал с ног, на мгновения приподнимал над землёй.

На проспекте он подошёл к магазину с витринами по сторонам от прозрачной двери. К стеклам витрин прилипли голубые, красные буквы, по диагонали начертавшие «молоко», «хлеб», «кефир». Над входом стояло «ПРОДУКТЫ», из синих пластмассовых букв, где палочка у Ы отвалилась, и слово напомнило старый алфавит, а звучало с малороссийским акцентом. Внутри стоял густой запах свежeweымытого пола, молока, копчёной колбасы. Гриша привычно не обратил внимания, как блестят влажные квадраты бежевой плитки, в чёрных проточинах. Как всегда не заметил старушки в синем халате, чёрных резиновых сапогах, белой косынке, которая уносила, перекосившись на правый бок блестящее ведро, полное коричневой воды – с покачивающейся на волне Арктикой пены, – пузыри быстро лопались, континент таял – и приподнимая швабру с грязной тряпкой, с которой свисали и волочились по полу мокрые нити крысиными хвостами. Он не запомнил холодильники по грудь, где под стеклом распластался плоский ломоть алого мяса, в белых строчках небрежного трёхстишья с жирной кляксой между строк, где свернулись кольчатыми червями верёвки сосисок, остановились жёлтые колёса сыра, бревенчатым плотом плыли батоны розовой варёной колбасы, а рядом, пирамидой, сухие, обугленные палки копчёной, минареты составили разноцветные пластмассовые стаканы сметаны, сложили стену кирпичи красных пакетов молока. Гриша подошёл к деревянному ящику, из которого возвышалась кассирша, отстучавшая ему чек. За прилавком, спиной к нему стояла дородная продавщица. На стук каблуков она величественно повернула голову с репой жёлтых волос на затылке и нефтяным пятном на макушке, показала глаз, профиль мясистого носа, после чего неспешно возвратила взгляд к длинной полке на белой стене, в разноцветных тубах консервов. Она совершила плавный поклон, продемонстрировав, словно наполненный ветром белоснежный парус на грот-мачте галеона, величественный тыл. У её ног что-то шуршало, но Гриша не имел возможности увидеть пол, столь плотно укрытый от него, и молча стоял, с чеком в протянутой руке. Через некоторое время тело перед ним выпрямилось, развернулось голым треугольным вырезом, глаза с трудом подняли тяжёлый взгляд, и пока пальцы стирали тряпку, произнесло:

– Чё?

– Бутылку Пепси. Пожалуйста, – с улыбкой добавил Гриша.

Глядя на него, из под прилавка она вытянула за горлышко бутыль. Её губы змеились, явно приготовив ответ, но он сказал только «спасибо» и вышел, унося от неё свою улыбку.

По дороге он прошёл между деревянными скамьями. На одной старушка в чёрном пальто, поддерживая ладонью щёку, смотрела на старушку в синем пальто, что через очки читала брошюру.

Цветов поднялся на лифте, позвонил в дверь.

– Привет, проходи, всё готово. – Они пожали руки, Саша принял у него бутылку. Выйдя из ванной, выложенной малахитового образа плиткой, Гриша увидел полный стол. Посредине в предсмертном тумане пота возвышалась бутылка водки. По стеклу, оставляя прозрачное русло, ползла слеза. Рядом, в деревянной чаше красного дерева лежала горкой светло-жёлтая квашеная капуста, проплетённая алыми ленточками моркови, словно восточная шапочка украшенная узорами, и пахла кисло и холодно. Друг напротив друга во льдах тарелок застыли

синие голландские парусники, на каждом пустая рюмка, – прозрачный тюльпан в резных узорах на гранёном стебле. На блюде в одном углу лежали тёмно-красные овалы колбасы в снежинках сала. В другом углу, в плетёной ладье плыл чёрным и белым штабелем груз хлеба. Черкасс вскочил, хлопнул ладонью в лоб: «Вилки забыл!» Ребята улыбнулись друг другу, Саша скрутил с бутылки синюю тюбетейку, разлил прозрачную водку в рюмки, и на травах, вырезанных в стекле, загорелись лимонные светляки. Саша посмотрел на стол, снова вскочил, со словами «у меня ещё лимончик есть, сейчас порежу, сахарком присыпем – уух», – и передёрнул плечами цыганкой в танце. Рядом с тарелкой, украшенной жёлтым цветком долек лимона, присыпанными кристаллами сахара, горящими электрическим светом, он поставил бутылку Пепси, и две одинаковых чашки, друг напротив друга.

Друзья подняли навстречу друг другу рюмки, чувствуя резкий и чуть горький спиртовой аромат, улыбнулись встрече, пьянству с утра, выдохнули воздух, и опрокинули внутрь водку. Холодная водка обожгла вкусом горло, они схватили по жёлтому колёсику лимона, бросили в рот, и кислый, чуть подслащённый сок, сморщил лица.

– Хорошо пошла, – разом заговорили, потянулись блестящими остриями вилок к вороху квашеной капусты, чёрному хлебу, тёмно-бордовой колбасе в точках сала.

– Хорошая водка, – сказал, кивнув головой, Гриша.

– Да, – кивнул головой Саша, – давай сразу ещё по одной.

Проглотив несколько рюмок, они перешли от разговора встречи, к друзьям, переживаниям, мечтам. Гриша сообщил Саше, что Кристина вернулась, очень хорошо выглядит, поведал её впечатления, чуть насмешливым, тягучим слогом. Гриша описал, как она передала Черкассу привет. Саша буркнул в ответ, что очень рад, и выдал из себя ей несколько приятных фраз. Неожиданно Саша осведомился, несколько насмешливым голосом, о заносчивой Свете. Гриша огрызнулся, что у Светы всё хорошо, хоть давно её не видел, и парировал советом задуматься о заносчивой Кристине. Саша выдал примирительную скабрёзную шутку, Гриша проговорил в том же духе поговорку, и они снова выпили. Гриша любопытствовал о жизни Фельдмана. Саша ответил, что недавно брякнул тому о Кате, и теперь Миша достаёт его расспросами, а недавно отчубучил заехать в институт и познакомиться с Катей. Потягиваясь, медленно и снисходительно, Саша молвил, что Фельдман вот уже который раз ходит в театр у «Никитских Ворот» с какой-то пассией, но без осязаемого успеха. Гриша, перед тем как выпить, бросил «вчера», а занюхав колбасой, и разорвав её в зубах, продолжил излагать о том, как вчера дочитал «Дворянское Гнездо», и даже заплакал. Саша откликнулся на «Дворянское Гнездо» одобрительной репликой о нежном романе, но заметил, что язык Тургенева, всё же, почти всегда несносен, особенно в поздних романах, и изрёк «чем дальше Тургенев удаляется от разговорной речи, пытаясь писать литературным языком, тем текст хуже». Вместо ответа у Гриши сорвалось с языка грубое слово, – он опрокинул на себя кружку с Пепси. Саша, пародируя нравоучение, провешал, как кощунственно пить много водки, и разлил последние капли. Гриша бросил на стол влажный платок, бросил веские слова о нехватке водки. Саша откликнулся, что есть начатая бутылка джина. Гриша узнал, что отец Саши не будет против, если они её выпьют, после чего неожиданно бухнул тост за женщин. Саша отпустил приветственную шутку, – они засмеялись и выпили. Цветов пересказал другу, как Жора обнял Кристину за плечо, и обронил несколько слов о возможном влечении Жоржа. Саша похрустел капустой, потом промолвил, что наверное так и есть, но предположил, что Жора Кристине не пара. Гриша расписал другие знаки внимания Жоры, и они сложили согласный вывод о его чувствах к ней. Саша ехидно посоветовал спросить у Жоры, кто ему нравится, но Гриша отбрил его предложением узнать то же у Кристины. Из соседней комнаты Саша крикнул, чтоб Гриша достал ещё капусты из холодильника, а когда вернулся с джином, докладывая, что бутылка почти полная, то Цветов сморозил, что Жора может быть и покорит Кристину. Саша, разливая джин коротко вякнул, «не может быть». Выпив, Гриша, замолкая на мгновения и с каждым словом спускаясь

к тишине, отчеканил слова, как плохо пить джин без тоника. Саша произнёс «всё полезно, что в рот полезло». Они помолчали, смывая еловый привкус, и вдруг Саша неожиданно проронил, что он хотел давно сказать, но не было возможности, что он больно переживает смерть деда Гриши, ведь, с его детства они так много общались, и он был для него действительно близким человеком, и сейчас, когда мама заболела, хотя, конечно, у неё будет всё хорошо, она недавно прошла курс лечения, и её снова скоро положат на несколько дней полечиться, он лучше понимает его чувства. Гриша отрубил короткое «да». Потом вымолвил, что смерть бабушки для него это, – и замолчал, а потом добавил, что дедушка был, наверное, самым дорогим ему человеком. Саша предложил помянуть, они молча встали и выпили не чокаясь. Саша проронил, что рано или поздно, все знакомятся со смертью. Они помолчали, и для поддержания разговора, Гриша выговорил вопрос о Сашиных родителях. Оказалось, они поехали к друзьям на новоселье. Вдруг Гриша выпалил, ударив ладонью в стол, что совсем забыл рассказать о Пскове, куда они собрались и приглашают его. Саша спросил, кто поедет, задал вопрос о сроках. Гриша ответил, советовал ехать, выдал несколько предложений о древности города, белокаменной архитектуре. Саша вставил несколько слов о Троицком соборе, Кроме, и они долго рассуждали о поездке, иногда останавливались, роняли несколько слов короткого тоста, и продолжали разговор о путешествии. Саша обещал пригласить Фельдмана, посоветовал собрать больше друзей для большего веселья. Черкасс поинтересовался, допив последнюю рюмку, читал ли Гриша кроме Тургенева, тот коротко отрубил: «Исповедь» Гоголя. Не понравилось».

– А ты вслушивался, как звучит там предложение? Это музыкальные фразы! По каждому предложению то прокатываются, то проползают, то пробегают ударные звуки. Одно предложение, например, построено на сочетании звука м, другое р, и так далее. Но в том же предложении, например, ж появляется четыре раза, иначе связывая слова, причём роль ж, на этом не заканчивается, он сочетается со схожими Ч, Щ, Ш. Его предложения рассматриваешь не только как форму для знания, но слушаешь. И у каждого, у каждого из тех, кого называем великими, есть бездна таких особенностей. А какая точность, краткость описания у него. И не только у Гоголя, тот же Тургенев в «Отцах и детях». Ты помнишь его описание Базарова на почтовой станции? А ведь сколько людей видели Базаровых, а заметил, чётко описал один. Или наоборот, в «Мёртвых душах», в гостинице спит Чичиков, Селифан с Петрушкой храпят, Петрушка положил на живот Селифану голову. – Там, в самом конце главы о капитане, который примеривал пятую пару сапог – там только о сапогах, о том, как он смотрел, прохаживался по комнате, – всего четыре строчки, а гостиница уже населена. А сам капитан! Он ожил от двадцати пяти слов, причём слов даже не о нём, ты составил его образ, наделил его характером, знаешь, чем он занимается, скажешь, на что способен, – и это из описания сапог и постукивания!

А «Хаджи-Мурата» читал? – Саша сгрёб воздух, разрубил от уха ладонью, сжал в кулаки и отпустил разом из двух рук, растопырив длинные пальцы, – там вместо страниц, цветные литографии. Листаешь страницы, словно альбом цветной, – вот герои, во что одеты, как двигаются, говорят, что едят, даже лучше чем в альбоме или кино, ты носом чувствуешь, чем пахнет. И везде, в каждом слове правда. Как солдаты шли в пикет, как говорили, как вели себя, и правда, что у жены князя есть сын от другого мужа, и что она такая, какая есть, и что какой-то капитан влюблён в неё, – знаешь, как из разноцветных нитей сплетают гобелен, – это «Хаджи-Мурат», где люди, их реплики, цвета, запахи, ритм фразы, движения, сочетания звуков, – всё-всё составляет рисунок. Многие люди прочитают, меньше поймут и почувствуют смысл и красоту, ещё меньше узнают, как он это сделал, но создать подобное может лишь один. Понимаешь, тысячи людей были на Кавказе, видели всё то же самое, но идея написать и умение, были только в одном. И в этом разница, между художником и не-художником.

– Верно, только понять, отчего художником стал офицер Толстой, а не иной, невозможно.

– Пожалуй да, – Саша подложил под щёку ладонь, поддерживая склонённую к плечу голову, враз обмякнув, словно механическая кукла, выполнившая заданную программу.

Черкасс покрутил пустую рюмку, вздохнул, заглянул на дно, опрокинул в рот последние капли, и предложил, не спеша начинать убирать со стола. Он включил в гостиную музыку. Гриша собирал со стола посуду, Саша мыл под струёй горячей воды, они переговаривались, и от движений, пьянели всё больше и больше, улыбаясь себе и друг другу. Они двигались и даже говорили в ритм музыке. Иногда один обрывал фразу на полуслове, молчанием призывая послушать любимый отрывок. В движениях работы ребята пританцовывали, кивали в такт барабанам, а однажды, Гриша положил тарелку на пол, Саша оставил воду биться в дно деревянной чаши, и они убежали в гостиную, включили на полную громкость музыку, и запрыгали, кивая головами, брэнча у бедра на невидимых гитарах, выкрикивая припев. На кухне, когда вернулись, Гриша запел по-английски, Саша подхватил знакомый куплет, и они, глядя друг на друга и хохоча, пропели любимую песню. Наконец, убрав за собой на кухне, переговариваясь, о том кто как пьян, друзья оделись, спустились вниз. Осенним листом под холодным ветром друзья покружили по дворам, и подошли к школе.

В спортзале разминались для баскетбола будущие выпускники. Черкасс и Цветов, уважаемые за свой возраст и бывшие проказы, были радостно встречены. На команды пришлось ровно по пять человек. В прохладном воздухе с детства родного зала Гриша и Саша разделись до пояса, зябко растирали ладонями голые бицепсы. Саша взлетел за мячом, подброшенным над ним и соперником, отбросил его Грише, и они ворвались в борьбу: побежали, закричали, стали бросать мячи в кольцо, закрывать своё. И вдруг они ощутили, как плохо слушаются их руки, ноги, внешне трезвых тел. Они стали играть осторожно, боясь потерять мяч. Как больные, отвыкшие двигаться, учились точно бросать, закрывать мяч от чужих проворных рук, отдавать своему точно в ладони.

Друзья медленно трезвели, и им было радостно бежать, стуча мячом в пол, резко останавливаться, то быстрее, то медленнее отбивая на месте ритм, и неожиданно отбросить с силой мяч «своему», чтобы кинуться громадным шагом под щит за мячом при отскоке. Восхитительно было высоко подпрыгнуть, и в воздухе, пока не успел опуститься, выбросить мяч, и следить со всеми, как оранжевый шар точно опускается по дуге в кольцо, но вдруг цепляется за дужку, подпрыгивает, уже валится в сеть, но выскакивает, и его ловят чужие руки. Восхитительно с медленного шага стремительно сорваться к щиту, лихорадочно часто стуча мячом в пол, чтобы наверняка забросить оранжевый мяч из-под кольца; или вздрогнуть, когда ты один, перед чужим кольцом, у тебя две секунды, и никто уже не успеет помешать тебе бросить, ты прицеливаешься, бросаешь, – и – мимо! Тогда бросаешься под щит, чтобы первым подобрать мяч, пока он ничей, или отобрать, нарушив монотонность движений чужих рук, которые, потеряв цель, находят новую в стремлении вернуть оранжевый шар. Как хорошо, получив пас, бежать, отбивая ритм шагам мячом, высоко выпрыгнуть, и обмануть взлетевших перед тобой противников с поднятыми руками, словно они сдаются в плен, и неожиданным крюком откинуть мяч своему и увидеть, как он, один, спокойно, мягко, отправляет мяч через дужку кольца в верёвочную сеть без дна. А после снова бежать, кричать, падать, прыгать, глупо промазать, а потом, неожиданно для себя, забросить трёхочковый, и медленно, медленно догонять противника, уменьшить разрыв до четырёх, трёх, одного очка, вот, уже быть на очко впереди, и упорно бороться, когда никто не хочет уступать. Пережить короткий перерыв, когда все недолго сидят, повесив головы между ног, дышат в пол, устало переговариваются, ждут начала игры, и вновь сражаться в маленькой армии, где каждый солдат на счету и от каждого зависит, победят ли в сражении.

Черкасс и Цветов, довольные, усталые, натягивали на потные тела холодные футболки, свитера, улыбались красными лицами, почёсывали пальцами мокрые волосы, щипавшие кожу головы, и спорили с соперниками, что неверно дали Грише пробежку, когда он забросил мяч,

а фолы в нападении у Саши не было. Чуть просохнув, они вышли в вечер, на площадку над каменной лестницей, пронизываемую острым ветром. На площадке освещённой двумя овалами фонарей, размытыми с краёв, они поговорили, вглядываясь в темноту школьного двора, в высокую башню в тёмном небе, заполненную клетками света, попрощались, и пошли навещать знакомых.

Через арку они прошли во двор, окружённый стенами серых зданий. Стены одного дома стояли скобой, здание напротив ровной стеной. Во двор можно было попасть через арку дома-скобы или обойдя с флангов сплошную стену напротив. В центре крепости находилась детская площадка. С двух сторон земляного квадрата, друг напротив друга, ярко светили два фонаря. Похожие на тощих циклопов, они вытянули друг к другу на рахитичных шеях овальные головы, озарившие единственным глазами оранжевые полукруги штрафной. В полутьме между пятнами света, на двух скамьях, одна против другой, сидели они. Узнав друзей, они закричали, засмеялись, кто-то поднялся им навстречу. К общим знакомым Гриша пошёл быстрее, а Саша замедлил шаг, остановился, повернулся вокруг себя, осмотрел стены, темноту под аркой, и мирок представился ему средневековым замковым двором, провонявшим лошадиным навозом, озарённым мерцанием факелов, капающих горящими искрами, окружённым крепостными стенами, за которыми пустыри, крестьянские хижинки с соломенными крышами, сильный ветер гнёт к земле яблони, а наверху, такое же чёрное беззвёздное небо. И только представив картину, он подошёл к людям, что ждали его. Гриша говорил за двоих и оглядывался на Черкасса.

Черкасс громко поздоровался, голосом, которым торжествующий родитель объявляет о подарке. Правая сторона лица его скривилась, усмешка открыла треугольник зубов: – Да вы пьянствуете! Какая неожиданность, кто бы мог подумать! Мало что меняется со временем, иногда ничего не меняется.

Ему предложили выпить водки. Перевернув стаканчик вверх дном и утирая губы, он продолжил: – Каждый вечер здесь проводите? Молодцы! Держать тем же курсом, только так, рассматривая каждый день одни и те же лица, крепится настоящая дружба. Даже не ожидал застать такой полный состав, – никто не выпал! Судя по всему у всех всё отлично? Фёдор, ещё не успел покинуть институт с приказом об отчислении? Ну надо же... Если не выгнали, то всё. Будешь надеждой нашей науки. Спрашиваешь, отчего такой весёлый? Водочки выпил, мы с Гришенькой ещё с утра начали, вас встретили, зная, что у вас обязательно добавим. Ооо! Серёга! Как же тебя сразу не заметил. Извини. Вот молодчина, берите с него пример, – Черкасс показал пальцем, – сумел не только напиться, но прийти в любимую школу, подраться, даже дверь сломать. Надо брать с Серёги пример. Ты спрашиваешь как моя учёба? Спасибо Машенька, всё пока успешно. И почитать и погулять время остаётся, – говорил он голосом, каким ребёнку отвечают на вопрос. – А ты как поживаешь, спрошу я в свою очередь. Прочитала «Анну Каренину»? Не понравилось? Затянуто и часто скучно. Понятно. Конечно, «Пылающие холмики» гораздо лучше. Что не читала «Пылающие холмики»? Ты много потеряла. Советую. Роскошное произведение. Не впадай в депрессию, прочитай ещё раз. Нравится мне у вас, друзья. Вот вы действительно берёте от жизни всё. Каждый день собираетесь в этом освещённом прекрасным светом фонарей дворе, пьёте водку в любую погоду.

Гриша стал быстро прощаться, но Саша закричал плаксивым голосом, – Гриша, постой. Давай останемся, здесь шикарно.

– Нет, мы пойдём, – Гриша молча попрощался, под причитания Саши, сожалевшего о расставании.

Молча они вышли на проспект.

– Саша, как ты мог так с ними разговаривать?

– Как, как, так и смог.

– Ведь это наши друзья.

– Друзья?!

– Хорошие знакомые, одноклассники. Думаешь, они не заметили твоих насмешек?

Хотел бы чтоб заметили. Они же умные люди. Они могли бы учиться, интересно для себя же работать, могли бы *расти*, но спускают жизнь в однообразное воспоминание! За это их ненавижу, они сами себе мешают, чтоб завидовать другим и уповать на случай, который воплотит их желания. Главные преграды внутри человека, но они не хотят себя будить, использовать все силы, они живут вполсилы. Эти люди, с кем я прожил вместе десять лет, которые были прекрасными детьми, отличными друзьями, умными учениками, они обещали так много, а теперь ничего. Ведь некоторые из них люди красивой души. Они ещё способны прожить силу любви, силу трагедии. Но чем они живут?! Ещё несколько лет и их прекрасные в юности души предадут дружбу, обманутся в любви и даже не расскаются! Животворные артерии души сузятся, забьются тромбами, и они станут долго-долго, до самой смерти, бессмысленно умирать.

– Думаешь, от твоих слов они проснутся?

– Нет, но всё же я пьян, не сдержался. Теперь хоть возвращайся извиняться.

– Что будет совсем уж глупостью.

– Согласен.

Они прошли по широкому тротуару проспекта, вспоминая школьные приключения. Под холодным ветром тело остывало, хотелось уже домой. Как всегда не было часов, они спросили время, и охнув от неожиданности, разошлись, довольные друг другом.

Глава тринадцатая

Утром Цветов быстро позавтракал, застелил стол листами, простроченными вопросами к экзамену, окружил номера тем, на которые имел ответы. Почти все цифры попали в окружение. Он стал ходить от окна к двери, шепча ответы, отмечая готовые летящими птичками. Споткнувшись о препятствие, бежал к столу, читал учебник, затем вновь рассказывал себе знания. Проговорив пять вопросов, он взглянул на часы, шлёпнул себя по бёдрам и выкрикнул: «Отлично! Отлично!», и ему казалось тогда, что он успеет к экзамену.

Гриша сажился за стол, прочитывал незнание, кратко выписывал сущность, а с листа взлетали, взлетали галочками проговорённые вопросы, а кругом печатных строк вился синий рукописный орнамент.

Он прошёл на кухню, сложил хлеб и мясо в бутерброды, разбавил заварку кипятком, повторяя, повторяя, повторяя вновь и вновь про себя текст. Подошёл отец сказать, что наш теннисист выигрывает, но сын отгородился от отца ладонью со словами: «Не мешай! Не мешай! Не мешай!», – вскрикивая всё громче. С чашкой в одной руке, балансируя тарелкой с башней бутербродов в другой, он повторял сложное определение, сохранившееся в памяти обрывками предложений, в третий раз составляя из них последовательный смысл. А в комнате, перечитав печатный вариант, вскрикнул в бутерброд «чёрт, чёрт», и брызнул крошками на стол, забыв существенный признак.

Спускаясь вниз по ступеням вопросов в глубину предмета, он переписывал всё больше и больше неизвестных знаний. Он читал текст учебника, и чувствовал, как смысл всё сложнее извлекать из слов, а глаза щекотит усталость.

Обедал он, черпая ложкой борщ, и читая текст большой неизвестной темы, специально подобранной к первому и второму, чтобы с десертом компота, на мгновение останавливать еду, и читать на столешнице, обоях, окне, плите, сохранившиеся в памяти предложения.

К вечеру десятки вопросов вспорхнули с листа, но несколько ещё остались, пугающе медленно исчезая из плана, подгоняемые секундной стрелкой часов. Учебник уже охлаждался на подоконнике, бесполезный подробным многословием. Осталось лишь время читать конспект, и тут же повторять прочитанное. Гриша надеялся, что завтра вспомнит прочитанное ночью, хотя бы фундамент, на котором построит надстройку ответа. Глаза опухли, по стариковски слезились, и чтобы прочитать рукопись, он всматривался в строки, иногда касаясь кончиком длинного носа листа. Случалось, он просматривал глазами текст и не понимал, считая, во сколько сегодня удастся лечь, когда завтра проснуться, чтобы выспаться, но успеть к началу экзамена. И только поймав себя на незнакомом поле текста, он возвращался назад, к памятной вехе, чтоб понять прочитанное.

Уже поздней ночью, отпустив последний вопрос, он встал под душ. Круговыми движениями мочалки намыливал тело, и думал, что необходимо, пусть поверхностно, но прочитать *все* вопросы, не оставив экзаменатору лазейки для рокового удара, и ещё жалел усталые глаза.

Лёжа в кровати, предвкушая близкий сон, при свете ночника, ухватившего клювом выступ подоконника, он перечитывал ключевые определения, по опыту зная, что преподаватель может не спросить частности, но резко снизит балл, за незнание главного. А в темноте, погружаясь в сон, говорил себе, что завтра удачное пятое число, и что он посетил почти все лекции, и хорошо отвечал на семинарах, и значит, должно повезти, а экзаменатор может быть снисходителен.

В метро Григорий ехал бездумно, только иногда пробегали фразы определений, основные принципы, но он отгонял их, чтобы несколько ответов не засветили свежим явлением остальные знания, как лампа негативы. На дороге он удачно никого не встретил, и донёс насторожен-

ное, бездумное состояние до дверей кабинета, перед которыми в длинном коридоре с учебниками и тетрадями в руках построился курс, подпирая спинами стены.

Семён попросил конспект, но Цветов не дал, сказав, что сейчас пойдёт отвечать. Девушки стояли у дверей, Кристина с Леной пошли для успокоения курить, и первыми в кабинет вместе с Гришей зашли Иван, Жора, и две сокурсницы, создавшие очередь. В классе, блестящем солнечными пятнами на пустых партах, они разошлись по отдельным столам, но так, чтобы можно было перешёптываться. На *его*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.